ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(571.1) «1900/1925»

А. А. ШТЫРБУЛ

Омский государственный педагогический университет

ЭСЕРОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ОМСКЕ И СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВЕКА)

В статье впервые представлены основные события, этапы и количественные характеристики истории эсеров Омска и Среднего Прииртышья на протяжении всего периода их существования, от политического рождения в 1903—1905 гг. до политической гибели в середине 1920-х гг.; предпринята попытка проследить реальное влияние их политической деятельности на историю Омска и региона в судьбоносный исторический период первой четверти XX в.

Ключевые слова: политический плюрализм, многопартийность, неонародничество, эсеры, регионоведение, кризисное развитие общества.

Первая четверть XX века, явившаяся периодом кризиса российской цивилизации, характеризовалась заметной политической активностью населения страны, в том числе Среднего Прииртышья — важнейшего территориально-географического, экономического и геополитического региона Сибири. Расположенный довольно широкой полосой вдоль среднего течения Иртыша в трех основных географических зонах — тайге, лесостепи и степи, в важном хлебопроизводящем и транзитном районе, с центром в крупнейшем городе Сибири Омске, лежавшем на пересечении двух крупнейших транспортных артерий — Иртыша и Транссиба, — этот регион являлся, кроме того, важным геополитическим плацдармом продвижения России во Внутреннюю Азию (юго-восточное направление).

Население Среднего Прииртышья в 1917 г. составляло от четверти до трети 8,5-миллионного населения Западной Сибири и Степного края [1]. Население центра региона — Омска накануне XX в., по всероссийской переписи 1897 г., насчитывало ок. 38 тыс. человек [2], в 1917 г. — ок. 140 тыс. [3], а в период 1918—1919 гг., когда Омск являлся столицей белой России, временно, более 600 тыс. [4].

Сюжеты истории омских эсеров нашли свое отражение исследованиях В. М. Самосудова, А. П. Толочко, Н. П. Курускановой и других историков, однако данные работы затрагивали, в основном, дофевральский период. До сих пор нет ни одного исследования, где бы омские эсеры рассматривались на протяжении всего периода их деятельности.

Омские сторонники формирующейся партии эсеров впервые проявились в 1903 г. в рядах Омской организации РСДРП, включавшей в себя поначалу, наряду с преобладающим марксистским составом, нескольких представителей других революционных течений.

Самостоятельная Омская группа ПСР сформировалась в течение августа — сентября 1905 г. и впервые открыто заявила о себе в октябре 1905 г. В это время она насчитывала около 30 человек, но уже в следующем, 1906 г., став комитетской, организация достигла численности 100 человек [5]. В 1907 г. в ней было примерно столько же, но в последующие годы, вплоть до полной ликвидации в 1912 г. численность постепенно сокращалась. Организация вела устную и печатную агитацию и пропаганду, профсоюзную работу, имела военный отдел для работы в частях гарнизона; отдельные эсеры приняли участие в террористических актах против представителей власти: в 1905 — 1907 гг. эсеры осуществили в Омске не менее пяти терактов, в том числе и один из наиболее громких в Сибири — убийство членами Летучего отряда Сибирской области генерал-губернатора Н. М. Литвинова (15 декабря 1906 г.). Кроме того, в Тобольске произошли еще два громких теракта: убийства начальников Тобольской каторжной тюрьмы А. Г. Богоявленского (1907) и И. С. Могилева (1909) [6].

В период отступления революции омские эсеры приняли участие в думских избирательных кампаниях: в I Государственную думу (ПСР выборы в нее бойкотировала, но на заключительном этапе кампании омские эсеры помогали социал-демократам) и во II Государственную думу (вошли в избирательный блок с местными конституционными демократами).

После серии «ликвидаций» организация в начале 1912 г. временно прекратила свое существование (последние аресты прошли в январе). В течение этого года отдельные омские эсеры еще продолжали попытки возобновить организованную деятельность, но в 1913 г. эсеровская работа в Омске полностью замерла, и подавляющее большинство омских эсеров, оставшихся на свободе, перешли на ликвидаторские позиции. В 1914 г. омские жандармы насчитали 72 таких эсера [7]. В 1914 — 1916 г. жандармские органы неизменно фиксировали, что организованной эсеровской работы в Омске и регионе не ведется. Лишь в конце 1916 г. несколько омских эсеров вошли в непартийную оппозиционную организацию «Красный крест помощи политссыльным», включавшую в себя также социал-демократов и беспартийных [8].

Февральская революция 1917 г. всколыхнула политическую жизнь региона, в том числе и местных эсеров. Омская организация ПСР (официальное название — Омская группа ПСР) была восстановлена в первых числах марта. Вслед за этим появились организации в губернском Тобольске и областном Семипалатинске, практически во всех уездных центрах региона (Петропавловске, Атбасаре, Кокчетаве, Акмолинске, Павлодаре, Ишиме, Таре, Славгороде) и в значительной части волостных центров. Был создан Акмолинский областной (с правами губернского) комитет ПСР с пребыванием в Омске, так как именно Омск фактически являлся центром раскинувшейся от него далеко на юг обширной Акмолинской (Омской) области.

Организация стала бурно расти за счет т. н. «мартовского пополнения» — восторженной молодежи, неискушенных в политике солдат-крестьян гарнизона, а также и откровенных политических карьеристов. В результате численность организации за несколько месяцев весны — лета 1917 г. достигла «многих сотен членов» [9] и составила около 2000 человек [10].

Омская городская и Акмолинская (Омская) областная организации ПСР в 1917 г. оказались наиболее влиятельной, авторитетной и опытной политической силой региона, обогнав весной — летом 1917 г. такие серьезные политические силы, как местных социал-демократов, конституционных демократов (кадетов). Влияние омских эсеров распространялось не только на город и его окрестности (пригороды) и Омский уезд, но и на всю Акмолинскую область, некоторую часть Семипалатинской области, а так же на ряд южных сопредельных уездов Тобольской губернии (Тарский, Тюкалинский, частично Ишимский) и на некоторые западные местности Томской губернии вплоть до Барабинска и Каинска.

На протяжении марта-ноября 1917 г. омские эсеры были не только одной из правящих партий в Омске и области, но и партией практически здесь господствующей. Они имели большинство в Акмолинской (Омском) областном и Омском уездном Советах крестьянских депутатов, в Западно-Сибирском исполкоме крестьянских депутатов (находился в Омске). Безраздельно руководили работой 1-го и 2-го съездов крестьянских депутатов Акмолинской области и 1-го и 2-го съездов крестьянских депутатов Западной Сибири. Значительные позиции эсеры имели в Омском Совете рабочих и солдатских депутатов, в Совете депутатов Сибирского казачьего войска, Западно-Сибирском (Омском) Военно-окружном комитете, в Омском гарнизонном комитете, в ряде полковых комитетов. Всецело под их контролем находился Омский союз солдат-крестьян и почти всецело — Западно-Сибирский союз кооператоров (правление которого располагалось в Омске). Эсеры активно действовали и играли не последнюю роль в Омском Коалиционном комитете — местном буржуазном органе двоевластия. На выборах в июле 1917 г. они получили абсолютное (с небольшим перевесом) большинство мест в городской думе и возглавили ее работу, в том числе руководили деятельностью городской милиции и городской продовольственной управы. Эсеры также руководили работой Акмолинского (Омского) областного земельного комитета и возглавили процесс организации земств на территории области. Осенью 1917 г. правительственным комиссаром области (т. е., фактически, губернатором) являлся один из лидеров омских эсеров, известный сибирский писатель А. Е. Новоселов. Из среды омских эсеров вышел будущий руководитель Временного правительства автономной Сибири П. Я. Дербер и будущий глава Временного Сибирского правительства и колчаковского Российского правительства П. В. Вологодский. В Омске в 1917 г. выходило не менее десяти эсеровских и проэсеровских периодических изданий. Весной — летом 1917 г. омские эсеры достигли зенита своего влияния за всю их историю.

Но тем временем в партии назревал глубокий идейно-политический и морально-психологический кризис, являвшийся отражением противоречий как в обществе, так и внутри пестрой по составу ПСР.

Одним из проявлений этого кризиса стало формирование крайне правого и левого крыльев в партии и ее местных организациях.

Уже на исходе весны 1917 г. в Омской организации ПСР обозначились, а летом сформировались три идейно-политических течения: левые интернационалисты во главе с Н. Е. Ишмаевым; крайне правые оборонцы во главе с кооператором В. В. Куликовым, ориентировавшиеся на петроградскую газету и группу «Воля народа»; и основная часть состава — центристы, во главе с В. В. Паскевичем, А. М. Красноусовым, П. Я. Дербером, А. Е. Коряковым, А. Е. Новоселовым. Центристы безуспешно пытались примирить левых и правых, чем дальше, тем больше вызывая критику и первых, и вторых. Левые и правые тем временем все чаще и чаще оказывались, пока еще в переносном смысле, «по разные стороны баррикад». Особенно процесс размежевания усилился после трагических июльских событий в Петрограде. Переломным же стал август, когда правые и левые в Омской организации ПСР впервые заявили о себе открыто: первые — в начале месяца в городской думе, вторые — в середине месяца на 2-м съезде рабочих и солдатских депутатов Западной Сибири.

Октябрьские события в Петрограде и ноябрьские в Омске ускорили окончательное размежевание в Омской организации ПСР. Известия об Октябрьском вооруженном восстании левые эсеры и часть центристов восприняли положительно (последние — оговорками). Основная же масса центристов заняла враждебную, но довольно пассивную позицию. Крайне правые эсеры отнеслись к восстанию открыто враждебно и расценили поведение центристов как предательство демократии. В начале ноября крайне правые эсеры вышли из Омской организации ПСР и образовали небольшую самостоятельную группу эсеров-воленародцев. Отдельные воленародцы приняли участие в омском контрреволюционном мятеже 1—2 ноября 1917 г.

В условиях глубокого идейно-политического и организационного кризиса Акмолинский областной (губернский) комитет ПСР принял решение считать с 22 ноября Омскую группу ПСР распущенной и начать реорганизацию рядов омских эсеров с целью образования новой группы, очищенной от инородных и случайных элементов. В Бюро по воссозданию группы вошли 7 человек от центристов и левого крыла [11, 12]. И центристы, и левые надеялись реорганизовать группу на своих принципах. Это неизбежно привело организацию к новому расколу: в конце ноября возникла небольшая (до 30 человек) Омская группа эсеров-максималистов во главе с Еремеевым и Успенским [13], а в конце декабря около 100 партийцев во главе с Ишмаевым образовали Омскую группу Партии левых социалистов-революционеров [14]. В конце ноября 1917 г. при активном содействии эсеров-максималистов и левых эсеров в Омске была установлена Советская власть (практически мирным путем).

Центристская, «официальная» организация ПСР, в декабре была также восстановлена, но, и по численности, и по влиянию мало чем напоминала себя периода весны—лета 1917 г. Они попытались заявить о себе в кампаниях защиты Учредительного собрания и антисоветского саботажа, на съездах крестьянских депутатов разных уровней. Однако на выборах в Учредительное собрание омские эсеры показали слабый результат и оказались на четвертом месте после большевиков, кадетов и правосоциалистического блока [15] (включавшего и воленародцев). Несколько лучше выступили эсеры Тобольска и Тобольской губернии, где по списку ПСР и Совета крестьянских депутатов в Учредительное собрание прошел А. М. Красноусов, но и здесь эсеровское движение вскоре пошло на спад. К концу января—началу февраля 1918 г. эсеры почти повсеместно в регионе потерпели поражение и резко снизили активность. Февраль и март 1918 г. стали периодом «политического анабиоза». Но в апреле эсеры Сибири, в том числе и омские, стали постепенно приходить в себя и восстанавливать силы. В деятельности организации обозначилось два направления: легальная и полулегальная агитационно-пропагандистская работа и нелегальное собирание вооруженного подполья (в союзе с белогвардейцами-монархистами). Была создана боевая дружина организации. Для координации сил вооруженного подполья в Омск весной 1918 г. приезжал уполномоченный Комуча Брушвит, а в мае появился некий эсер Лавров из Петрограда.

С первых дней мая омские эсеры заметно повысили свою активность, а с началом 24—25 мая мятежа Чехословацкого корпуса часть их постепенно включилась в вооруженную борьбу с Советской властью. В ряде сельских районов Среднего Прииртышья эсеры сорвали объявленную 28 мая Облисполкомом Советов частичную мобилизацию трудового крестьянства региона; эсеры Омска, Ишима, Тары, Тюкалинска, Славгорода приняли участие в вооруженном свержении Советской власти. В то же время эсеры-максималисты и левые эсеры Прииртышья рядом с большевиками, с оружием в руках боролись против белогвардейцев, интервентов и эсеров (правых и центристов).

Открытые трения между «демократами» и правыми начались в первый же день переворота. Последние как могли, оттесняли эсеров от власти. 8 июня восстановила свою работу Омская городская дума, распушенная Омским Советом в январе 1918 г. Большинство, как и прежде, имели эсеры, но ее руководство в новых условиях оказалось фактически в руках кадетов, тогда как с августа 1917 по январь 1918 г. оно было в руках эсеров.

Июнь 1918 г. стал месяцем победного торжества сибирских и омских эсеров. Казалось, вновь начинается невиданный взлет, подобный весеннему 1917 г. В середине июня в Омск из Новониколаевска прибыло правительство — Западно-Сибирский комиссариат. Город стал столицей довольно обширной территории, «освобожденной от большевиков» (значительная часть Западной Сибири, часть Степного края и небольшая часть Восточной Сибири). Почти на месяц эсеры фактически стали — в последний раз — правящей политической силой региона, но и победа, и власть оказались призрачными. На политическом горизонте стали появляться новые тучи: торгово-промышленные и военные круги считали эсеровский Западно-Сибирский комиссариат слишком левым. В Омске и на подконтрольной белым части Сибири полным ходом шла подспудная подготовка к «передвижке власти» вправо. В конце июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат под давлением торгово-промышленной буржуазии и реакционной военщины уступил место значительно более правому и реставраторскому Временному Сибирскому правительству (ВСП).

ВСП с первых дней своего пребывания у власти взяло курс на ужесточение политического режима в интересах имущих, цензовых слоев подконтроль-

ной территории. Ведущими фигурами правительства являлись бывший (до 1918 г.) сибирский эсер П. В. Вологодский и «мартовский эсер» И. А. Михайлов, вступивший в партию в Петрограде. Летом 1918 г. общественное мнение все еще считало их эсерами, и они, когда это было выгодно, поддерживали данное реноме, но, фактически, с эсеровской партией порвали безвозвратно. Сами эсеры числили их ренегатами.

Жесткая политика ВСП в отношении трудящихся отразились на основной части реальных эсеров региона: они постепенно переходят в оппозицию, но довольно мягкую. Выступали против наиболее одиозных карательных мер; в конфликте ВСП и Сибирской областной думы (СОД) поддержали последнюю; возражали против Административного совета и введения смертной казни (введена в начале сентября). 19—23 сентября 1918 г. сибирские эсеры-сторонники СОД попытались в Омске обуздать реакционную часть ВСП, но потерпели неудачу, в результате чего реакционерами был убит А. Е. Новоселов. Определенные иллюзии сибирские и омские эсеры связывали с прибытием в Омск Директории (9 октября), но она сама оказалась в «омской ловушке» и не сумела закрепить свою власть: в ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. была свергнута силами реакционной военщины, группировавшейся вокруг правой части ВСП и утвердившей у власти А. В. Колчака в качестве диктатора (Верховного правителя).

Колчаковский переворот 18 ноября 1918 г. эсеры встретили враждебно. 19—20 ноября «Совет управляющих ведомствами» Комуча и ЦК ПСР объявили А. В. Колчака мятежником, а его власть — узурпаторской. Комитет для борьбы с узурпатором создали и омские эсеры. Они распространили в городе листовку, где в самых категорических выражениях высказывали стремление бороться против незаконного переворота [16]. Тем временем колчаковцы разогнали «Съезд членов Учредительного собрания» и ужесточили репрессии. 30 ноября появился приказ Колчака об аресте членов Комуча, по которому они подлежали военно-полевому суду. Часть членов Комуча ба арестована и отправлена в Омск. Началась охота на членов ЦК ПСР. 5 декабря 1918 г. в Уфе состоялось совещание членов ЦК, которое приняло решение о переходе эсеровских организаций в колчаковском тылу на нелегальное положения.

Ситуация усугубила т. н. Омская трагедия. После подавления Омского антиколчаковского большевистского восстания 22 декабря 1918 г. от имени А. В. Колчака было объявлено, что все освобожденные повстанцами заключенные должны вернуться в тюрьму, и в случае добровольного их возвращения давалось обещание не применять репрессии. Однако большевики и другие левые из числа освобожденных предпочли скрыться. Их примеру последовали и некоторые из освобожденных эсеров. Однако большинство освобожденных демократов решило вернуться в тюрьму. С 22 на 23 декабря офицеры-монархисты физически уничтожили (расстреляли, зарубили саблями, закололи штыками) 10 демократов (эсеров и меньшевиков), в том числе 7 депутатов Учредительного собрания. Мученической смертью погибли: видные деятели эсеровской партии Н. В. Фомин, А. А. Брудерер, И. И. Девятов, Г. Н. Саров, меньшевики И. И. Кириенко и В. И. Гутовский (он же Е. Маевский), управделами съезда членов Учредительного собрания Н. Я. Барсов, земские деятели В. А. Марковецкий, А. И. Лиссау, фон-Мекк [17, с. 207].

Все это повергло организацию в шоковое состояние. Не помог и новогодний «примирительный манифест» А. В. Колчака, в котором умеренно-оппозиционные партии призывались к сотрудничеству с властью и ограждались от репрессий. Когда-то одна из сильнейших и крупнейших в Сибири, Омская организация ПСР во время колчаковского режима едва ли достигала двух сотен членов. Негативно и разлагающе на имидж организации действовало то, что часть, пусть и небольшая (немногим более 10 человек) бывших членов ПСР, выделившихся в начале ноября 1917 г. в самостоятельную группу правых эсеров-оборонцев-воленародцев, в течение последующего времени блокировалась с кадетами, политически поддержала «от лица социалистов» колчаковский переворот и в первые месяца существования режима активно поддерживала А. В. Колчака. В декабре 1918 г. Омск покинул один из ведущих лидеров организации А. Е. Коряков: выехал на жительство и партработу в Тобольск по направлению Омского комитета ПСР [18]. Правда, некоторое время в Омске в начале 1919 г. находился один их сибирских эсеровских лидеров Е. Е. Колосов. Весной 1919 г. эсеры Омска имели очень слабую связь с Сибкрайкомом ПСР, а последний располагал далеко не полными сведениями о характере и состоянии партийной работы в Акмолинской (Омской) области [17, с. 147.]. На фоне общей вялости появлялись отдельные признаки оживления. В декабре 1918 г. возникла эсеровская военная ячейка в батальоне Ставки Верховного правителя (единственная в это время военная ячейка эсеров в Омском гарнизоне) [19], которая, возможно, была причастна к неудачной попытке покушения на Верховного правителя 25 августа 1919 г. В целом же поведение омских эсеров в период колчаковщины можно определить как тихую и вялую оппозицию.

В первые месяцы после освобождения Омска от колчаковцев, с середины ноября 1919 г. и до конца весны 1920 г. действовали полулегально. Под видом «беспартийных» они попытались принять участия в выборах Омского Совета, но это было блокировано властью. В условиях нарастающего с лета 1920 г. кризиса политики «военного коммунизма» эсеры в Омске и Прииртышье активизировались. Был воссоздан губком ПСР в составе: Лунегов, Лозовой, Рымша, Бабин. Летом 1920 г. ряд омских эсеров включается в работу Инициативной группы Сибирского крестьянского союза (СКС). В конце 1920—начале 1921 г. Омская организация ПСР насчитывала 125 человек. В январе 1921 г. ЧК произвела аресты инициативной группы СКС и некоторых активных эсеров омской организации партии [20, Л. 69 об; 21].

Не нужно преувеличивать влияние эсеров и групп СКС на разразившееся в феврале—мае 1921 г. грандиозное антикоммунистическое Западно-Сибирское (Ишимско-Петропавловское) крестьянское восстание, но нельзя и полностью исключать такое влияние. Отдельные разрозненные свидетельства о причастности эсеров к повстанческому движению Тюменской губернии и прилегающих к ней местностей Омской и Челябинской губерний встречаются в документах и материалах [22, с. 318, 603, 606, 633, 635, 636, 637, 639, 644—647]. Но один из фактов деятельности эсеров во время восстания обращает на себя особое внимание. В городе Тобольске после падения Советской власти вокруг опытного и авторитетного эсеровского деятеля А. Е. Корякова сложилась группа в несколько десятков человек, носившая черты настоящей парторганизации, просуществово-

вавшая с конца февраля до начала апреля 1921 г. (Тобольск находился в руках повстанцев с 21 февраля по 8 апреля). Повстанцы при содействии эсеров провозгласили «Тобольскую федерацию» — так они именовали контролируемую территорию вокруг Тобольска — фактически повстанческую республику. Ядро эсеровской группы, видимо, существовало и ранее: А. Е. Коряков прибыл в Тобольск из Омска еще в декабре 1918 г. и вел активную работу в профсоюзах, в 1920 г. — начале 1921 г. являлся председателем бюро профсоюзов Тобольска. К подготовке восстания группа Корякова вряд ли имела прямое отношение: оно вспыхнуло стихийно (что признавало даже руководство СибЧК) и явилось известной неожиданностью не только для властей, но и для оппозиционных политических групп и деятелей региона. Тобольские эсеры активно включились в движение только после вступления повстанцев в город, пытаясь осуществлять идейно-политическое руководство (в том числе через газету «Голос Народной армии») и вносить элементы организованности в стихийность. Они также выступали за упорядочение и ограничение террора повстанцев в отношении коммунистов и их сторонников [18, с. 147; 22, с. 254, 260, 261, 279, 603, 604, 605, 621, 625, 632, 641; 23].

С началом НЭПа и в ожидании «политнэпа» произошла новая, на этот раз последняя заметная активизация эсеров в Омске и регионе. Весной 1922 г. был восстановлен Городской комитет ПСР в составе: Муранова, Лунегов, Кафтан, Абрамов. Оживилась работа эсеров в сельской местности, кооперации, среди интеллигенции и молодежи. Действовали нелегально и, кое-где, полулегально. В омской организации в это время проявилось два идейно-политических течения: «народовластие» (за Учредительное собрание) и трудовластие (за признание советской формы правления). Активизация эсеров в первые месяцы 1922 г. серьезно обеспокоила местные органы Советской власти. В конце весны 1922 г. омские органы ЧК-ГПУ произвели аресты наиболее активных эсеров, в первую очередь членов губкома и горкома [20, л. 69об.-70]. Оставшиеся на свободе ушли в глубокое подполье. К этому времени появилось заявление группы лидеров СКС: эсеров Юдина, тяпкина, Тагунова-Ельшевича. Дьяконова и народных социалистов Игнатьева, Меринова, Савченко о том, что в условиях НЭПа они, оставаясь убежденными народниками и идейными противниками коммунистов, заявляют о примирении с Советской властью [24].

Несмотря на репрессии, работа эсеров кое-где продолжалась: на выборах в Советы в 1922 — 1923 гг. в некоторых селах Омской губернии кулаки (кое-где под влиянием эсеров) попытались провести в Советы своих ставленников; отдельные эсеры Среднего Прииртышья входили в 1922 г. в разветвленную подпольную белогвардейскую Базаро-Незнамовскую организацию с центром в Барабирске и Каинске [25]; осенью 1922 г. в Большепесчанской волости Тюкалинского уезда возникла местная подпольная организация эсеровского толка «Тайный комитет».

Важным шагом к вытеснению политической оппозиции должен был стать суд над членами ЦК ПСР и других органов партии, а фактически — суд над партией как таковой, который проходил в Москве с 8 июня по 7 августа 1922 г. В сибирских газетах публиковались многочисленные резолюции коллективов предприятий, учреждений и воинских частей, осуждающие эсеров, одобряющие суд над ними и требующими сурового наказания. Распространялись многочисленные листовки, изданные губкомами РКП(б) с разоблачением партии эсеров. В Омске накануне суда, 5 июня состоялась «демонстрация мести», приуроченная к 4-й годовщине падения Советской власти в городе (7 июня 1918 г.), в которой приняли участие десятки тысяч человек; не в последнюю очередь она была направлена против ПСР, ее деятельности в прошлом и настоящем. Накануне, в ходе и после суда в сибирской, в том числе омской периодической печати стали появляться заявления некоторых известных и рядовых эсеров об осуждении деятельности ЦК ПСР, выходе из партии и разрыве с неонароднической идеологией [26].

Одной из последних страниц в истории эсеровского движения в Омске и Среднем Прииртышье стало так называемое эсеровское ликвидационное движение, развернувшаяся во всей России в 1923 г. Оно началось во второй половине 1922 г., вскоре после суда над ЦК ПСР. Инициаторами стали группы эсеров, в основном, рядовых, Сибири и Урала. Движение проходило под контролем местных органов РКП(б) и ГПУ.

17 — 19 августа в Омске состоялась губернская конференция бывших эсеров, на которой присутствовали 29 (по другим данным 30) делегатов от Омская и уездов (кроме Тары и Тюкалинска, которые, как объяснили организаторы, запаздывали). К этому времени в Омске и губернии к ликвидационному движению примкнуло, по данным организаторов конференции, около 80 бывших эсеров (цифра, видимо, несколько завышена). Из 37 человек, на которых есть данные, в ПСР до 1905 г. вступили 7 человек, в 1905 — 1907 — 16, в период с 1908 г по февраль 1917 г. — 7, и в период марта — октября 1917 г. — 7 [27, л. 38]. Было принято обращение ко всем членам ПСР и крестьянам Омской губернии, в котором делегаты конференции призывала присоединиться к резолюциям Московского съезда бывших эсеров. В обращении, в частности, говорилось: «Для борьбы с растущими коммунистическими идеями во всем мире буржуазия создает черносотенные банды под названием фашистов. // Предстоит последняя битва капитала против труда. Эта битва или приведет к мрачной беспросветной реакции, или откроет возможность к новой счастливой трудовой жизни. Где же наше место социалистов революционеров, на какой стороне баррикад?» [28]. Но в ликвидационном движении приняла участие лишь меньшая половина омских эсеров. Остальные оказались либо безучастны, либо в оппозиции. Вскоре после конференции был похищен портфель с документами по ликвидационному движению [27, л. 7, 38].

Отголосками эсеровского движения в Омске и Среднем Прииртышье стали: агитационно-пропагандистская деятельность отдельных активных, «твердых» эсеров на протяжении нескольких лет после «самоликвидации» организации; образование в Омске молодежной подпольной антисоветской организации неонароднического толка «Партия народного права» (1927) [29]; активизация отдельных эсеров Западной Сибири [30] и, в том числе Омского Прииртышья во время «чрезвычайщины» и принудительной коллективизации в 1928 — 1932 гг. (заметим, что против сталинской политики в это время выступило и немало коммунистов). В период репрессий 1930-х гг. в Омске и регионе в числе других были осуждены (в том числе и к расстрелу) десятки лиц за принадлежность к антисоветскому эсеровскому подполью [31] (фактически уже мифическому: вина заключалась в принадлежности к ПСР, а также в вы-

ражении недовольства существующими в СССР порядками).

К этому следует добавить, что в 1930-е гг. «Большая» Омская область (с 1934 по 1944 г. включала в себя не только территорию современной Омской области, но и большую часть Тюменской) стала местом политической ссылки, в том числе и эсеровской: на территории области отбывали срок многие эсеровские деятели. В 1937 г. политическая, в том числе эсеровская ссылка здесь была почти полностью истреблена по приговору Омской «особой тройки» [32].

Значение эсеровского движения в истории региона велико и многогранно. На протяжении более двух десятилетий кризисного развития общества, при любой власти эсеры региона, как и всей России, выступали, в основном, как убежденные политические центристы (до февраля 1917 г. со значительным уклоном влево, затем — вправо), играя, более или менее успешно, роль политического балансира между крайними политическими силами. Часто были непоследовательны, но в своей деятельности объективно выступали за демократию, понимая ее как универсальную и неизменную, фактически же — за развитую буржуазную демократию, что делало их контрреволюционерами при Советской власти; между тем такая демократия была далеко не худшим вариантом в сравнении с царизмом и колчаковщиной. С учетом специфики региона местные эсеры выступали за американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве (с некоторыми социалистическими оговорками). Они стояли за всемерное развитие кооперации в сельском хозяйстве, торговле и мелкой промышленности и временами добивались в этом значительных результатов, что являлось, несомненно, положительным моментом в экономическом развитии региона. В период первой четверти XX в. омские эсеры по величине, влиянию и значению являлись второй политической силой в Омске и Среднем Прииртышье после местной РСДРП-РСДРП(б)-РКП(б).

Библиографический список

1. Великая Октябрьская социалистическая революция : энциклопедия. — М., 1987. — С. 362, 524, 526—527.
2. Сибирская советская энциклопедия. В. 4 т. Т. 1. — Новосибирск, М., 1929. — С. 705.
3. Спирин, Л. М. Классы и партии в Гражданской войне в России / Л. М. Спирин. — М., 1968. — С. 247.
4. Иоффе, Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах / Г.З. Иоффе. — М. : Мысль, 1983. — С. 221.
5. Курусканова, Н. П. Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов-революционеров в период Первой российской революции (1905—1907 гг.) / Н. П. Курусканова. — Томск, 2007. — С. 243.
6. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX — первая треть XX века). — Омск, 2008. — С. 82—91.
7. Самосудов, В. М. Революционное движение в Западной Сибири (1907—1917 гг.) / В. М. Самосудов. — Омск, 1970. — С. 208.
8. Государственный исторический архив Омской области — Центр документации новейшей истории Омской области (ГИАОО - ЦДНИОО). Ф. 35. Оп. 2. Д. 253. Л. 4.
9. Дело Сибири (Омск). — 1917. — 3 октября.
10. Московкин, В. В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революций и Гражданской войны (1917—1921 гг.) / В. В. Московкин. — Тюмень, 1999.— С. 44.
11. Заря (Омск). — 1917. — 25 ноября.
12. Сибирская речь (Омск). — 1917. — 26 ноября.
13. Дело Сибири (Омск). — 1917. — 30 ноября; 12 декабря.
14. Революционная мысль (Омск). — 1918. — 4 января.
15. История СССР (Москва). — 1967. — № 5. — С. 106.
16. Плотникова, М. Е. Колчак и эсеровская «оппозиция» / М. Е. Плотникова // Вопросы истории Сибири. — Томск, 1967. — Вып. 3. — С. 173.
17. Добровольский, А. В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917—1923 гг.) / А. В. Добровольский. — Новосибирск, 2002.— 398 с.
18. Лагунов, К. Двадцать первый / К. Лагунов // Урал (Свердловск). — 1989. — № 6. — С. 147.
19. В борьбе с контрреволюцией : сб. документ. материалов. — Омск, 1959. — С. 92.
20. ГИАОО - ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 129.
21. Бударин, М. Е. Были о чекистах / М. Е. Бударин. — Омск, 1976. — С. 189.
22. За Советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921 : сб. док. — Новосибирск, 2000. — 774 с.
23. Неизвестная война. Новые факты из истории крестьянского восстания в Сибири // Труд (Москва). — 1991. — 7 февраля.
24. ГИАОО - ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 131. Л. 5.
25. Рабочий путь (Омск). — 1923. — 15 мая; 2 июня.
26. Рабочий путь (Омск). — 1922. — 7 июня;
27. ГИАОО - ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 57. Л. 38.
28. Рабочий путь (Омск). — 1923. — 26 августа.
29. ГИАОО - ЦДНИОО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 57. Л. 128.
30. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-2. Оп. 2. Д. 261. Л. 10-11.
31. Самосудов, В. М. О репрессиях в Омском Прииртышье / В. М. Самосудов.— Омск, 1998. — С. 26—28.
32. Самосудов, В. М. Большой террор в Омском Прииртышье. 1937—1939 / В. М. Самосудов. — Омск, 1998. — С. 47—48.

ШТЫРБУЛ Анатолий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, социологии, политологии.
Адрес для переписки: 644099, г. Омск, наб. Тухачевского, 14.

Статья поступила в редакцию 19.04.2012 г.
© А. А. Штырбул

УДК 94(470.67)

М.-П. Б. АБДУСАЛАМОВ

Дагестанский государственный институт народного хозяйства, г. Махачкала

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КУМЫКСКИХ ФЕОДАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ В XVIII—НАЧАЛЕ XIX вв.

В статье на основе глубокого анализа и широкого использования разнообразных источников объективно показано экономическое развитие кумыкских феодальных владений в XVIII—нач. XIX в. Кумыкские владения благодаря своему выгодному географическому положению играли важную роль в торгово-экономической интеграции народов Северного Кавказа с Россией. По мнению автора, торговые центры Кумыкии—Тарки, Эндирей, Аксай и Костек в рассматриваемый период являлись не только важнейшими рынками сбыта продукции многих регионов Дагестана, но и партнерами и посредниками русско-дагестанской торговли.

Ключевые слова: Кумыкия, Россия, Северный Кавказ, феодальные владения, торговые центры, интеграция.

Кумыки занимали почти всю Прикаспийскую низменность Дагестана. Это наиболее плодородная во всем Дагестане полоса, пригодная для широкого развития земледелия. Кумыкия, изобилующая сельскохозяйственными продуктами, была житницей многих районов Дагестана. Территория кумыкских феодальных владений была наиболее благоприятной для развития земледелия. П. Гаврилов писал: «Представляя совершенную равнину, прорезанную в некоторых местах вытекающими из гор реками, Кумыкская плоскость покрыта наносною с гор почвою, плодородие которой делает эту местность одною из лучших на Кавказе. Умеренный климат Кумыкского округа вполне благоприятствует не только обширному производству различных сортов хлеба, но и разведению других, почти тропических, растений...» [1, с. 37]. Кумыки знали трехпольную систему земледелия, им были хорошо известны приемы искусственного орошения полей [2, с. 63]. И.-Г. Гербер, говоря о владениях Султана Махмуда Аксаевского, шамхала Тарковского, о землях владетелей Буйнакского и Утемышского подчеркивал, что местное население питается земледелием и что оно имеет изрядные пашни, огороды, виноградные сады и т.п. [3, с. 44—45].

В полеводческом хозяйстве кумыков ведущее место занимало возделывание зерновых культур. «Они сеют пшеницу, ячмень, просо, кукурузу, сарачинское пшено, нарочито разводят хлопчатую бумагу...» — писал С. М. Броневский [4, с. 200]. Говоря о землях эндиреевских кумыков, И. А. Гильденштедт писал: «Они все занимаются хлебопашеством... Хлебные растения у них суть пшеница, ячмень, просо, овес, а особливо сарачинское пшено, в нарочитом множестве разводят и хлопчатую бумагу...» [5, с. 105].

«Кумыки занимаются посевами проса, ячменя, кукурузы, сарачинского пшена и пшеницы; разводят виноград, хлопчатую бумагу и отчасти занимаются пчеловодством», — отмечал П. Зубов [6, с. 183]. Помол зерновых производился на водяных мельницах, которые имелись в каждом селении. По свидетельству А. И. Лопухина, в Тарках «на каждом дворе вода есть и построено много мельниц, в которых без нужды мелют хлеб» [7, с. 44].

Кумыки с давних пор занимались садоводством и виноградарством. «Почва земли, — писал П. Зубов о плоскостной части Дагестана, — причитается к числу плодоноснейших, что доказывается множеством винограда и плодовитых деревьев в садах и лесах, равно удачными посевами сарачинского пшена» [6, с. 186]. Из фруктовых деревьев наибольшее распространение имели: яблони, груши, слива, разных сортов и видов, тутовник, алыча, вишня, черешня, кизил, персики и др. [2, с. 68—69].

Большую роль в экономике кумыков играло выращивание огородно-бахчевых культур. «В садах их находятся арбузы, дыни, тыквы, огурцы, репа, редька, хрен, капуста, лук, тыква...» — писал И. А. Гильденштедт [8, с. 215]. Наряду с зерновыми, огородно-бахчевыми культурами и садоводством кумыки издавна занимались также разведением технических культур, в частности хлопководством и мареноводством. «Первое место (у кумыков. — **М.-П. А.**) занимает сеяние и собирание марены: огромные огороды этого растения находятся около Низового укрепления, и здешняя почва считается очень способной для произрастания марены. На эти работы собираются с Тарху толпы горцев даже из немирных аулов без всяких видов...», — писал И. Н. Березин [9, с. 69].

Д. И. Тихонов отмечал, что в шамхальском владении «довольно родится марионы(марены. — **М.-П. А.**), которую он имеет власть отдавать на откуп армянам или другим каким купцам» [10, с. 129]. На значимость марены в хозяйстве кумыков указывал и М. Ю. Клапрот, который писал: «Обитатели занимаются главным образом культурой марены» [11, л. 17].

В изучаемый период кумыки широко культивировали и хлопок. По данным И.-Г. Гербера, особенно много хлопка собиралось во владениях Султана Аксаевского и шамхала Тарковского, где он рос «в великом множестве» [3, с. 35]. Широкое развитие получило также и шелководство. «Некоторые жители обнаруживают необыкновенную в этом краю деятельность — занимаются дома выделкою шелка и

содержат для этого шелковичных червей», — писал по этому поводу И. Н. Березин [9, с. 68-69].

Важное место в хозяйстве кумыков занимало животноводство, развитию которого способствовало наличие многочисленных пастбищ. И.-Г. Гербер об этом писал следующее: аксаевцы «питаются от пашен и плода всякой скотины», а у шамхальцев «скотоплодие... довольно» [3, с. 62, 71]. «Родятся также в оной, — писал Д. Белл о Кумыкской плоскости, — преизрядные лошади, и множестве скота» [12, л. 20]. Практически же на это указывал А. Берже, отмечая, что кумыки «также имеют значительные стада рогатого скота, овец и табуны лошадей, к чему способствуют обширные и богатые луга» [13, с. 292]. Широкое развитие в рассматриваемый период овцеводство получило у кумыков Мехтулинского ханства, которые имели стада овец «весьма значительные» [14, л. 253].

Животноводство было отгонным. Перегон скота влиял на общность экономических интересов дагестанцев, их культурно-исторические связи. Жители нагорной части Дагестана: аварцы, даргинцы и др., арендовали у кумыков зимние пастбища на равнине [2, с. 71]. У жителей Кумыкской плоскости, в отличие от горных районов Дагестана, было развито коневодство. Кумыкские феодальные владетели имели в своих табунах лошадей известных пород на Северном Кавказе [15, с. 21].

В XVIII – нач. XIX в. заметный подъем произошел в рыболовстве. Об этом свидетельствует тот факт, что в это время рыболовство в Сулаке и на побережье Каспийского моря обратило на себя внимание русских промышленников. Они стали ловить рыбу на началах откупа, выплачиваемого кумыкским владельцам — шамхалу Тарковскому и другим [16, л. 34].

Немаловажную роль в хозяйстве кумыков играли ремесла и промыслы. Этому способствовало наличие широкой сырьевой базы. Определенное место в экономике занимала добыча соли и нефти. Кумыки издавна умели извлечь из недр земли соль, которая имела важное торговое значение [12, л. 21 – 22]. Соль получали «близ Тарков, в 4 верстах из озера Турали, имеющего в окружности 5 верст, в котором довольное количество садится белой и чистой»[14, л. 19]. Немалое количество соли находилось и в землях Аксаевского владения [17, с. 80]. Нефть кумыки добывали из колодцев. Основным районом ее добычи была территория южных кумыков [2, с. 73]. А. И. Лопухин писал: «... Ехали через деревню Хаякент (Каякент. — **М.-П.А.**), которая салтана Мамута утемышского и Муртазалея, полями до лесу с агач, где бежит нефть в местах в 5» [7, с. 56].

На территории кумыкских феодальных владений имелись богатые залежи железной и свинцовой руды. В 1720 г. шамхал Тарковский известил Петра I о том, «что есть у них металл свинцовой», и просил прислать искусного рудознатца для освидетельствования найденного металла, чтобы «выразуметь, будет ли из того какой интерес или нет» [18, с. 27]. Железная руда добывалась близ Карабудахкента, в местечке Гасан Солган [14, л. 20]. «Жители (Казанищи. — **М.-П.А.**) эксплуатируют также железные рудники, находящиеся по соседству», — писал М. Клапрот [11, л. 17].

В металлообрабатывающем производстве главное место занимало изготовление сельскохозяйственных орудий и оружейное дело. Кузнецы изготовляли кинжалы, шашки, ножи, серпы, котлы и некоторые принадлежности конской сбруи, мелкие предметы домашнего обихода [12, л. 22]. Н. Ф. Дубровин писал, что «между ними (кумыками. — **М.-П. А.**) есть оружейники, слесаря, серебряники и шорники» [19, с. 620]. Центрами оружейного дела в Кумыкии были Верхнее Казанищи, Тарки, Эндирей и др. Верхнее Казанище было известно изготовлением кинжалов и других видов холодного оружия [20, л. 8].

В кумыкских феодальных владениях были распространены и другие виды ремесла, в частности изготовление различного рода украшений из серебра и золота, меднолитейное и медночеканное производство и т.д. [2, с. 96 – 97]. Занимались кумыки и обработкой кожи. Из нее шили верхнюю одежду и обувь. В каждом кумыкском селении женщины занимались выделкой шерсти, из которой делали шерстяные нити, а из нитей шерстяные материи [15, с. 25]. О высоком развитии промысла шерсти у кумыков по сравнению с народами Северного Кавказа отмечал О. В. Марггграф. Он писал, что «... шерстяные промыслы Кумыкской плоскости стоят выше, — нежели у населения горной Чечни...» [21, с. 14]. Крупным центром по изготовлению различных шерстяных изделий был Тарки. Жители Тарки занимались обработкой шерсти, из которой, кроме паласов и ковров, изготовляли сукно «чепкенлик», обрабатывали кожи [22, с. 108]. Сукно, изготавливаемое на Кумыкской плоскости, пользовалось большим спросом. Оно продавалось, по словам Марггграфа, «за Теречному и Сунженскому казачьему населению...» [21, с. 103].

Особенностью в развитии ремесла и кустарного производства являлось не только дальнейшее углубление процесса специализации селений по отдельным отраслям кустарно-ремесленного производства, но и выделение новых центров ремесла и домашней промышленности, что являлось последующим этапом в системе промыслов в исследуемый период [23, с. 96].

В экономике кумыков важную роль играла торговля. Благодаря своему выгодному географическому положению кумыки держали в своих руках торговлю региона [24, с. 11]. Через Кумыкию проходили важнейшие на Восточном Кавказе торговые пути, в частности Великий шелковый путь. Кумыкская равнина служила главной житницей для многих районов Дагестана — все это обусловило значительное развитие торговли, экономики [25, с. 477]. Б. В. Скитский писал, что «торговля (у кумыков. — **М.-П. А.**) была значительной, так как земли кумыков лежали на дороге, соединяющей Восточную Европу с Закавказьем» [26, с. 123].

Основными торговыми центрами в рассматриваемый период на Кумыкской плоскости были селения Тарки, Эндирей, Аксай, Костек, куда собирались торговые люди не только из всего Дагестана, но и из Центральной России, Кабарды, Осетии, Персии и т.д. [2, с. 101].

Особо следует выделить Тарки, который был главным жизненным центром кумыкских земель [27, с. 172]. Сюда поставляли свои товары со всех концов шамхальства, а также из других владений Дагестана. Известны древние торговые пути, связывавшие равнинный Дагестан с нагорным: дорога, идущая от Тарки через Торкалы – Кафыр – Кумух – Казанище – Кумух – Дюльтыдаг – Закаталы или Кумух – Турчидаг-Согратль – Чох [28, с. 51]. В Тарках помимо местной продукции (марена, соль, пшеница, скот, шерстяные изделия домашней промышленности, ремесленные изделия и др.) в обращении было много товаров, поступавших из Ирана, Закав-

казья, России (а через Россию и из Западной Европы) [29, с. 54].

Для продажи своих товаров таркинские купцы ездили на Северный Кавказ и в Россию: в крепость Терки, Астрахань, Москву, а также в города Закавказья и Ближнего Востока [22, с. 107]. «Несколько жителей в Тарху, — отмечал И.-Г. Гербер, — имеют купечество в Персии и в России» [3, с. 33].

На это указывал и И. Чулков: «Жители города Тарху, — писал он, — отправляют купечество с Персиею и Россией» [30, с. 472]. Особо следует отметить и тот факт, что в самих Тарках «для купечества жили» и представители других, не дагестанских народов [22, с. 109]. «Торговля внутри аулов находится в руках армян и евреев», — писал Н. Ф. Дубровин [19, с. 620]. Особенно преобладали армянские торговцы, которые продавали русские товары [11, л. 17]. И. Н. Березин писал: «Здесь (в Тарках. — **М.-П.А.**) ... постоянный предмет солидной торговли составляют бумажные материи для горских щеголих, верблюжье сукно для горских щеголей, и татарские башмаки для всех вообще»[9, с. 62—63]. Количество купцов, приезжающих торговать в Тарках постоянно росло. В шамхальство Тарковское приезжали «азербайджанские, армянские, крымские, турецкие, грузинские и российские купцы» [31, с. 166].

Более интенсивный характер носили в ту эпоху торговые связи кумыкского населения с русскими. Они значительно выросли в период нахождения Кумыкской плоскости в составе Русского государства, когда для снабжения русских гарнизонов потребовались различные местные продукты [11, л. 3]. По приказу Петра I покупка этих продуктов должна была производиться «наличными деньгами» [31, с. 166].

Основным центром торговых связей народов Дагестана с Россией стала в это время основанная Петром Великим на реке Сулак крепость Святой Крест [32, с. 144]. Как сообщал И.-Г. Гербер, таркинцы посещали Святой Крест и ездили в Астрахань со своими товарами [3, с. 69].

Меры, принимаемые царизмом, значительно способствовали развитию торговли не только на территории кумыкских феодальных владений, но в Дагестане в целом [33, с. 275]. Так, в 1724 г. последовал специальный Указ Сената о беспошлинном провозе и свободной продаже вина, табака, всяких хлебных и мясных припасов и скота в Дербенте, Баку и в крепости Святого Креста [33, с. 295]. В Россию из Тарков вывозились местные изделия кустарной промышленности: паласы, ковры, сукна, сабли, кинжалы, продукцию сельхоздеятельности: фрукты, воск, мед и т.п., а главное, сырье: хлопок-сырец, шелк-сырец, марена. Здесь же русскими купцами приобретались и восточные товары: дорогие ткани, драгоценные камни, пряности и другие предметы роскоши, а также сырье: шелк и хлопок, часть из которых транзитом шла в Европу [28, с. 54].

В 1735 г. была упразднена крепость Святой Крест, и в том же году основан был город Кизляр, как главный административный и торговый центр на Северо-Восточном Кавказе. Он активно участвует в экономической и политической жизни Низменного и Приморского Дагестана [29, с. 54].

Большой интерес в раскрытии данного вопроса представляют письма кумыкских феодальных владетелей, адресованных кизлярским комендантам. Так, 8 мая 1750 г. шамхал Хасбулат в письме к генералу А. П. Девицу просит «пропустить из Кизляра закупленных лошадей и разрешить приобрести товару, а именно, олова, нашатырю, свинцу» [34, л. 58]. Шамхал Тарковский Муртазали, сын Хасбулата, в письме от 17 апреля 1769 г. просит кизлярского коменданта Н. А. Потапова пропустить его людей «для продажи фруктов и парчи» в Кизляр и обратно [34, л. 114]. В шамхальство Тарковское направлялись специальные торговые агенты для закупки фруктов для императорского двора [34, л. 41]. Кизлярские купцы заключали подряды с кумыкскими феодальными владетелями на поставку «всяких потребных им вещей... принимая за них тамошние товары» [34, л. 14].

В рассматриваемый период в Северном Дагестане выгодное торговое положение занимало селение Эндирей. Оно служило «воротами, ведущими на плоскость» [35, с. 149]. «Эндери стало торговым местом, куда стекались армяне и евреи, без которых торговля не мыслима», — писал П. И. Ковалевский [27, с. 167—168]. Через Эндирей кизлярское купечество связывалось с Салатавией, Гумбетом, Анди, Ботлихом. Отсюда кизлярские купцы ездили вглубь дагестанских гор, в «тавлинские деревни» [28, с. 96]. В Эндирей на еженедельные базары (по пятницам) съезжались почти изо всех областей Северного Кавказа. Здесь можно было встретить представителей Дагестана, Осетии, Чечни, Ингушетии, Кабарды. Эндирей вело обширную торговлю не только с Кабардой, но и с Персией и Крымом. Почти отовсюду с плоскости и гор Северного Кавказа сюда поступали товары сельскохозяйственного и ремесленного производства: зерно, фрукты, виноград, орехи, скот, продукты животноводства, шерсть, бараньи шубы и т.д. [35, с. 149—150]. Из России в Эндирей купцы привозили сукна, меха, кубки, котлы, по специальному разрешению предметы вооружения — пищали, сабли, панцыри, и также по специальному разрешению татарских пленников — ясырь [36, с. 9]. Приезжали сюда и гребенские казаки для продажи рыбы и закупки зерна, лошадей и ремесленных изделий [34, л. 36].

Важным торгово-ремесленным центром в изучаемый период в Засулакской Кумыкии было и селение Аксай. Каждую неделю в Аксае бывали оживленные базары, собиравшие большое количество людей из соседних областей Северного Кавказа [35, с. 152]. Торговцы съезжались сюда заранее, за один или два дня до открытия базара. Особенно много было купцов из армян, которые имели здесь множество лавок [8, с. 253].

«Аксай представляет собою... торговый пункт в Северо-Восточном углу Кавказа», — писал Н. Семенов. — «Базары на подобие ярмарок бывают в нем три дня в неделю в течение круглого года и на них съезжаются со скотом, хлебом, кожами, лесом, оружием и другими местными произведениями не только из всех мест... Дагестана, но и из Чечни и Ногайских степей» [37, с. 229]. В изучаемое время Аксай выступает в роли торгового центра, где осуществлялись русско-дагестанские торгово-экономические контакты, в то же время он посредничает в торговле России с народами Северо-Восточного Кавказа [28, с. 98].

В Засулакской Кумыкии одним из известных торговых центров был Костек — центр Костековского владения. «... В торговом отношении он уступает Аксаю, хотя и в нем бывают еженедельные базары; кроме того он богат хлебом, виноградом», — писал Н. Семенов [37, с. 229]. Судя по архивным материалам, Костек играл немаловажную роль в осуществлении русско-дагестанских торгово-экономических контактов. Здесь также имелись лавки кизлярских

армян, комиссионеры крупных российских предпринимателей скупали марену, хлопок, поставляя «потребные вещи» в Костек [28, с. 99—100]. «Доходы костековского народа состоят ... в продаже в Кизляр дров, кольев в сады виноградные и леса строевого...» — писал А. И. Ахвердов [38, с. 214].

Таким образом, в XVIII—нач. XIX в. на развитие экономики региона огромное влияние оказывали такие центры внутренней и внешней торговли Дагестана как Тарки, Эндирей, Аксай и Костек. П. И. Ковалевский писал: «Кумыки издавна стояли в торговых отношениях с дагестанцами. Они стояли в культурном отношении выше их и оказывали значительное воздействие на лезгин» (дагестанцев. — **М.-П. А.**) [27, с. 192]. Документы свидетельствуют, что кумыки очень рано были втянуты в торговлю с Закавказьем и со странами Ближнего Востока, а также с Россией через Астрахань.

Подводя итог вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что научная новизна статьи заключается в том, что в ней на основе глубокого анализа и широкого использования разнообразных источников показано экономическое развитие кумыкских феодальных владений в XVIII—нач. XIX в., которые занимали выгодное географическое положение, способствующее развитию торговли и кустарных промыслов, а также земледелия, животноводства, садоводства. Это делало Кумыкию одной из наиболее экономически развитых частей Дагестана. Практическая же значимость статьи состоит в том, что приведенный в ней фактический материал может быть использован при подготовке обобщающих трудов и учебных пособий по истории Дагестана и Кавказа в целом, а также при написании дипломных и курсовых работ в вузах республики.

Библиографический список

1. Гаврилов П. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа / П. Гаврилов. — Тифлис, 1869. — 78 с.
2. Гаджиева, С. Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование / С. Ш. Гаджиева. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — 385 с.
3. Гербер, И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой, народах и землях и об их состоянии в 1728 г. / И.-Г. Гербер // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. — СПб.: Изд-во имп. АН, 1760. Январь—июнь —576 с., июль —декабрь —596 с.
4. Броневский, С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2 ч. / С. М. Броневский. — М.:Тип. С. Селивановского, 1823.
Ч. I. — 361 с.
Ч. II. — 471 с.
5. Гильденштедт, И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия г-на Академика Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах» / И. А. Гильденштедт. — СПб. : Тип. Импер. АН, 1809. — 384 с.
6. Зубов, П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. В 4 ч. Ч. III / П. Зубов. — СПб. : Тип. К. Вингебера, 1834—1835. — 268 с.
7. Лопухин, А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. / А. И. Лопухин // ИГЭД. — М. : Изд-во вост. лит-ры, 1958. — С. 6—59.
8. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII—XVIII вв. / сост. В. Г. Гаджиев. — Махачкала : Дагкнигоиздат, 1992. — 301 с.
9. Березин, И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью / И. Н. Березин. — 2-е изд. дополн. — Казань : Университетская тип., 1849. — Ч. 1. — 120 с.
10. Тихонов, Д. И. Описание Северного Дагестана 1796 г. / Д. И. Тихонов // ИГЭД. — М. : Изд-во вост. лит-ры, 1958. — С. 131—132.
11. Клапрот, М. Ю. Историческая, географическая, этнографическая и политическая карта Кавказа и соседних провинций между Россией и Персией. Париж: Лейпциг, 1827 / пер. с франц. З. Кидаловой // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. I. Оп. I. Д. 76. —20 л.
12. Тамай, А. И. Очерки истории кумыков // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. I. — 69 л.
13. Берже, А. Краткий обзор горских племен на Кавказе / А. Берже // КК на 1858 г. — Тифлис, 1857. — С. 257—312.
14. Материалы Государственного архива МВД СССР // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. I. Оп. I. Д. 296. — 308 л.
15. Акбиев, А. С. Кумыки. Вторая половина XVII — первая половина XVIII века / А. С. Акбиев. — Махачкала : Дагкнигоиздат, 1998. — 152 с.
16. ЦГА РД. Ф. 379. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 595.
17. Данилевский, Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении / Н. Данилевский. — М. : Университетская тип., 1846. — 193 с.
18. Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в.: сб. док. / сост. В. Г. Гаджиев, Д.-М. С. Габиев, Н. А. Магомедов и др. — М. : Наука, 1988. — 357 с.
19. Дубровин, Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В 6 т. Т. I. Кн. I / Н. Ф. Дубровин. — СПб. : Тип. департамента уделов, 1871. — 640 с.
20. Егизарян, М. А. Возникновение и развитие армянских колоний в Дагестане XVII—XVIII вв. / М. А. Егизарян // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. I. Д. 231. — 49 л.
21. Маргграф, О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства / О. В. Маргграф. — М. : Тип. С. В. Гурьянова, 1882. — 289 с.
22. Гаджиев, В. Г. Сочинения И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой, находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа / В. Г. Гаджиев. — М. : Наука, 1979. — 270 с.
23. Алиев, Б. Г. Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей. (Источники, предания, легенды, героико-исторические песни) / Б. Г. Алиев. — Махачкала : Изд-во тип. ДНЦ РАН, 2002. — 408 с.
24. Кульчик, Ю. Дагестан: кумыкский этнос / Ю. Кульчик. — М. : Веста, 1993. — 105 с.
25. Ибрагимов, М.-Р. А. Кумыки / М.-Р. А. Ибрагимов, А. М. Аджиев // Народы Дагестана : сб. ст. — М. : Наука, 2002. — С. 472—492.
26. Скитский, Б. В. Очерки истории горских народов / Б. В. Скитский. — Орджоникидзе, 1972. — 379 с.
27. Ковалевский, П. И. Кавказ. Т. I. Народы Кавказа / П. И. Ковалевский. — СПб. : Тип. М.И. Акинфиева, 1914. — 344 с.
28. Иноземцева, Е. И. Дагестан и Россия в XVIII — первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений / Е. И. Иноземцева. — Махачкала : Тип. ДНЦ РАН, 2001. — 226 с.
29. Гамрекели, В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. В 2 ч. Ч. I / В. Н. Гамрекели. — Тбилиси : Мецниереба, 1968.. — 108 с.
30. Чулков, М. Историческое описание Российской коммерции / М. Чулков. — М. : Тип. Пономарёва, 1785. — 618 с.
31. Белл, Д. Белевы путешествия через Россию в разные Асиятские земли, а именно: в Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь Ч. 1—3. Ч. III / Д. Белл : пер. с франц. М. Попова. — СПб. : Тип. Имп. АН, 1776. — 247 с.
32. Очерки истории Дагестана. Т. I. — Махачкала : Дагкнигоиздат, 1957. — 392 с.

33. Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв.: Документы и материалы / сост. Р. Г. Маршаев. — Махачкала : Дагкнигоиздат, 1958. — 336 с.

34. ЦГА РД. Ф. 379. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 203, 681, 1196, 712.

35. Гашимов, Ч. М. Из истории взаимоотношений народов Дагестана с народами Северного Кавказа во второй половине XVI—XVIII вв. : дис. ... канд. ист. наук / Ч. М. Гашимов. — Махачкала, 1969. —249 с.

36. Кушева, Е. Н. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв. / Е. Н. Кушева. — Махачкала : Изд-во ДагФАН СССР, 1954. — 26 с.

37. Семёнов, Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа / Н. Семёнов. — СПб. : Тип. А. Хомского, 1895. — 487с.

38. Ахвердов, А. И. Описание Дагестана. 1804 г. / А. И. Ахведов // ИГЭД. — М. : Изд-во вост. лит-ры, 1958. — С. 213—229.

АБДУСАЛАМОВ Магомед-Паша Балашович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин.
Адрес для переписки: e-mail: vikingpasha@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.03.2012 г.
© М-П. Б. Абдусаламов

УДК 930 (571.13)

О. В. ГЕФНЕР

Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ОФИЦЕРСТВА РУССКОЙ АРМИИ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX вв.: ЛОКАЛЬНЫЙ ПОДХОД

В статье анализируется общественное положение офицерства русской армии, взаимоотношение военных и гражданского социума в провинциальном городском культурном пространстве в конце XIX—начале XX века через призму локального подхода.

Ключевые слова: армия, общество, культура, провинция.

В настоящее время, в условиях усложнения социальной стратификации модернизирующегося общества, все большую актуальность для исследователей приобретают проблемы взаимоотношения различных социальных групп, межкультурного диалога.

Одной из малоизученных и спорных вопросов в исторической науке является проблема общественного статуса военных, отношения и взаимодействия армии и гражданского социума во второй половине XIX—начале XX века. В современных исследованиях по истории русской армии признается привилегированное положение, высокий социальный статус офицерства. Но при этом устойчивой является точка зрения о существовании определенной конфронтации между офицерством и гражданским населением, о замкнутости, кастовости военных, приводившей к их обособленному существованию в обществе, слабому участию в социальной и культурной жизни. Так, видный ученый, авторитетный специалист в истории русской армии П. А. Зайончковский в одном из исследований начала 1980-х годов отмечал: «Непопулярность офицерства в обществе находила свое выражение в определенной его отчужденности от других общественных категорий и, в первую очередь, интеллигенции... Офицерство представляло собой по существу замкнутую касту» [1]. Подобные оценки взаимоотношения военных и общества сохранились и в работах 1990-х —2000-х годов. Историк русского офицерского корпуса С. В. Волков писал, что в последней трети XIX века происходил рост «отчуждения между офицерством и гражданской публикой образованного круга», а «офицерство становилось относительно более замкнутым как профессиональная группа» [2]. Исследователь менталитета русской военной элиты Е. Ю. Сергеев указывал на кастовость офицерства, «негативно-презрительное отношение «отцов-командиров» к миру за пределами части или корабля» и ответное отношение «непонимания и плохо скрываемого презрения» к военным со стороны гражданского населения [3].

В своих оценках общественного положения офицерства исследователи опирались на анализ той полемики, которая шла между представителями гражданской и военной интеллектуальной элиты России в периодической печати, художественной литературе в начале XX века. Действительно, в российской прессе в этот период развернулась активная кампания против армии, со страниц печати звучали резко негативные, даже злобные, высказывания в отношении офицерства, обвинения в кастовости. Показательна в этом отношении статья П. Пильского «Армия и общество», опубликованная в 1906 году в журнале «Мир божий», которая иллюстрирует транслируемый либеральной и демократической общественностью образ офицерства: «Каста живет своей особенной жизнью маленького грязного насеста, куда не допускают никого со стороны, ревниво оберегая ходы и выходы, крепко замкнувшись на ключ исключительности и вражды, свято храня и

скрывая тайны, свои обряды, весь этот фальшивый культ, и эту тьму, невежество, разврат и ужас... Презрение к шпаку, высокомерное отношение ко всему, что не в форме, отверженность от знанья и труда, выдуманных штатскими, и эти буйства и неистовства, открытый публичный цинизм, общее безделье, отчужденность от жизни, неверие в ее силу и обновление, в ее радость, в ее борьбу и ее волны, счастье и будущее, — все это из недр армии, из сердца касты, из бездонных военных глубин...» [4].

В свою очередь офицерство не позиционировало себя как касту. Наоборот, в педагогических, публицистических работах военных неоднократно подчеркивались единение армии и общества, высокая социальная ответственность и культурная миссии офицерства в обществе. Так, в 1874 году в работе «Армейские заметки» генерал М. И. Драгомиров писал о социальной значимости офицерства в современном обществе: «С общеобязательной воинской повинностью офицер не воинский чин только, но и общественный деятель; армия — не вооруженная сила только, но и школа воспитания народа, приготовления его к жизни общественной» [5]. В 1875 году в одной из статей в журнале «Военный сборник» штабс-капитан Э. Ф. Свидзинский подчеркивал: «Военное сословие не имеет ничего враждебного гражданскому обществу, и корпоративная связь военнослужащих не должна выражаться в пренебрежении к прочим сословиям. Напротив, офицер должен оказывать уважение всякому званию и вести себя с одинаковым достоинством со всеми классами общества» [6]. В 1914 г. видный военный педагог полковник М. С. Галкин в работе «К познанию армии» писал: «Армия и общество не два различных мира, не два верования... Армия все ближе и ближе подходит к народу, офицер постепенно близится к типу воина-гражданина. Разница в культуре, в образовании и воспитании офицера и гражданина былых времен существовала и была резко выражена, то за последние 40—50 лет, кто же станет отрицать, этого уже нет» [7]. В официальной военной газете «Русский инвалид» проводились те же установки. В одном из номеров издания в 1914 году в статье с названием говорящим само за себя — «Единение силы и культуры» — подчеркивалось: «Армия должна быть организована из детей Родины, составлять плоть и кость своего народа — интересы народа и интересы армии должны быть синонимами... Армии нет надобности выделяться в особую замкнутую касту, такое самовольное выделение антинародно» [8].

Попытаемся разобраться, кто же был прав в этой полемике: насколько справедливыми были обвинения со стороны либеральной общественности в адрес армии. Стояли ли за этим социальные и культурные противоречия армии и общества или же оппозиционно настроенная интеллигенция использовала дискредитацию армии в общественном сознании как одно из средств политической борьбы с властью и подтачивания существующего строя?

В XVIII—XIX веках профессия офицера была одной из самых престижных и уважаемых. С одной стороны, высокий статус офицерства обеспечивался государственной поддержкой, поскольку армия всегда была не только защитницей Отечества от внешних врагов, но и опорой власти, любимым детищем императора. Привилегированное положение офицеров было закреплено законодательно, еще в петровской «Табели о рангах», согласно которой статус военных чинов был выше соответствующих гражданских и придворных, а военная служба открывала более быстрый путь к дворянству. Престижность военной службы подкреплялась и традиционной близостью к армии императорской фамилии: все члены царской фамилии семьи служили офицерами в различных полках, были их шефами, участвовали в парадах и маневрах. В XVIII—первой половине XIX века делом чести и престижа для дворянства был выбор именно военной карьеры, и основная масса дворян служила офицерами, не прослужить в армии хотя бы некоторое время считалось для дворянина неприличным.

С другой стороны, уважение общества к профессии офицера было связано и с культурной традицией, восходящей своими корнями к эпохе средневековой Руси, когда носить оружие и быть воином, защитником своей родной земли считалось благородным занятием. Так, анализ русского фольклора — народных песен, пословиц позволяет очертить тот образ воина, который сложился в народном сознании. Это «офицерик молодой», «добрый молодец», «удалой молодец, солдатский сын», «казаченько-молодой», «полковничек». У него буйная голова, белая грудь, белые руки, резвые ноги, ясные очи, русы кудри. Подобные эпитеты, используемые при характеристике военного человека, свидетельствуют о благожелательном, ласковом, сочувственном отношении народа к своим защитникам, к их нелегкому ратному труду [9].

Во второй половине XIX—начале XX века сложившаяся в России социокультурная ситуация объективно приводила к снижению реального статуса офицерства в обществе. На положении офицерства сказывалось снижение социального статуса дворянства в целом, которое в ходе реформ 1860-х—1870-х годов теряло свою экономическую независимость и служебные привилегии. В условиях модернизации и бурного социально-экономического и культурного развития в России появилось гораздо больше возможностей для молодых людей дворянского происхождения выбрать и сделать карьеру на гражданском поприще, добиться высокого материального благосостояния, которого не сулила военная служба, поэтому служба в армии становиться менее привлекательной для молодежи. Отрицательно сказывалось на авторитете офицерства и неудачи армии в войне с Японией, участие в подавлении революционных выступлений в ходе Первой русской революции.

Однако, несмотря на объективное снижение реального статуса офицера в российском обществе почет и уважение к военной профессии оставались все-таки достаточно существенными, а офицерство являлось социальной и культурной элитой общества. Привел ли высокий статус, поддержка власти офицерства к оформлению его в касту, в чем неоднократно обвиняли военных представители либеральной и демократической общественности?

Важным методологическим аспектом анализа взаимоотношений армии и общества может стать обращение к локальному подходу, в данном случае — учету факторов столичности и провинциальности, рассмотрение социального статуса офицерства в контексте особенностей социокультурной среды столицы и провинциальных городов. Однако современные исследователи, занимающиеся историей армии, практически не прибегают к этому подходу. Они выстраивают свои работы либо на общероссийском, либо на столичном материале, но распространяют полученные выводы на армию в целом, не учитывают региональную и локальную

специфику места, где протекала служба военных. Положения о кастовости, замкнутости офицерства, слабой вовлеченности его в общественную жизнь базируются в основном на анализе столичного материала. Мы же обратимся к характеристике социального статуса офицерства провинции на примере городов Западной Сибири и рассмотрим, как особенности провинциальной социокультурной среды влияли на взаимоотношения здесь офицерства и общества.

Одной из существенных тенденций второй половины XIX – начала XX века была демократизация офицерского корпуса, как отражение в целом общей тенденции эпохи, когда, по выражению русского философа В. В. Розанова, «...даже самые аристократические профессии, аристократические учреждения становятся демократичны» [10]. Введение всеобщей воинской повинности, открытие с 1864 года юнкерских училищ, дававших армии в основном недворянский контингент привело к тому, что с середины XIX века офицерство все более пополнялось выходцами из непривилегированных сословий (крестьянства, мещанства, купечества, духовенства, почетных граждан), процент выходцев из потомственных дворян стремительно падал. Так, среди офицеров «военной столицы» Западной Сибири Омска в 1897 году насчитывалось 27,3% лиц недворянского происхождения (что приблизительно соответствует данным по всему русскому офицерскому корпусу). Доля выходцев из непривилегированных сословий была еще выше среди офицеров, уроженцев Сибири — около 35%. (Для сравнения, по всему русскому офицерскому корпусу среди офицеров воинских частей в 1895 г. удельный вес офицеров недворянского происхождения составлял 26,4%). Среди учащихся Сибирского кадетского корпуса, воспитанники которого в значительной степени пополняли войска региона, насчитывалось в 1870-х – 1900-х годах около 90% лиц дворянского происхождения (что соответствует общероссийским данным), однако потомственных дворян было среди них всего около 11% (в то время как по всем кадетским корпусам — более 60%).

При этом, сословное происхождение не являлось препятствием к достижению высших командных должностей и чинов. Например, начальники Омского военно-топографического отдела были выходцами: генерал-майор Н. Д. Павлов — из крестьянской семьи, генерал-лейтенант Ю. А. Шмидт — из купеческой, генерал-майор С. Т. Мирошниченко — из солдатских детей, старший адъютант штаба Омского военного округа полковник К. С. Устюгов — также из солдатских детей. Наоборот, армия была реальным каналом социальной мобильности: военная служба давала возможность людям из самых низов общества благодаря образованию и личным качествам подняться высоко вверх по социальной лестнице. Такое представление об армии было зафиксировано и в народном сознании. Так, в частушках начала XX века от имени новобранца пелось:

Во солдатах люди служат,
Да и мы не пропадем:
Через два года на третий
В офицеры попадем.
Или:
Не тужите, девки, бабы,
Я нигде не пропаду:
Я читать, писать умею —
В офицеры попаду [11]

Таким образом, доступ в офицерскую среду был возможен для представителей всех сословий и по сути офицерский корпус по своему социальному составу был разночинным.

В столице обычно квартировали гвардейские полки, в них служили почти сплошь родовые аристократы. Военная служба в престижном полку зачастую для них была лишь способом дополнительного повышения своего социального статуса, а не призванием или добыванием средств к существованию. Они мало бывали на службе, проводя время в модных салонах, на балах. Для них, действительно, зачастую характерным было презрительное и высокомерное отношение не только к гражданской публике, но даже и к военнослужащим других, менее престижных воинских подразделений.

В сибирской провинции же не было гвардейских полков, самым распространенным видом войск была пехота. Социальный состав военнослужащих был более демократичным, чем в столицах. Лидер областничества Г. Н. Потанин в своих воспоминаниях так сравнивал две категории офицеров, служивших в Омске — местных уроженцев и приезжих «армейцев»: «Сибиряки были скромнее, более дисциплинированы; кроме Сибири они ничего не видели. Получивши жалованье, офицеры отдавали его целиком родителям. Развлечения были незатейливые. Армейцы ходили щеголеватей, в крахмальных сорочках, на руках накрахмаленные манжеты. Армеец представлялся более бывалым человеком, он исходил с полком всю Россию, видел большие города, театры. У сибиряков этого лоска не было, но они вызывали к себе симпатию своим интересам к литературе и науке...» [12]. Таким образом, для сибиряков была характерна большая связь со своими семьями, тем окружением, в котором протекала их служба, открытость, высокий уровень культуры, которые и вызывали определенную симпатию со стороны гражданского населения.

Особенностями провинциальной городской социокультурной среды, по сравнению со столичной, была большая открытость и простота нравов, меньшая политизированность и иерархичность местного общества. Так, преподаватель Сибирского кадетского корпуса П. А. Золотов писал об омском обществе первой половины XIX века: «Описывая внутренний быт нашего города, я должен сказать, что раньше общество его жило хотя нероскошно, но дружно и не знало деления на кружки... Не было здесь заметно ни особой светской утонченности и щепетильной экипировки. Их заменяло патриархальное радушие» [13]. Узость круга светского общества в провинции объективно приводило к общению, сближению всех образованных людей, независимо от сословной и профессиональной принадлежности. Так, генерал А. А. Игнатьев вспоминал о детских годах в доме отца — генерал-губернатора Восточной Сибири А. П. Игнатьева в Иркутске: «Впрочем в Иркутске очень мало интересовались происхождением, и в доме родителей весело танцевали и евреи Кальмееры, и гвардейские адъютанты отца, и богатые золотопромышленники, и интеллигенты — ссыльно-поселенцы, и скромные офицеры резервного батальона. Такое пестрое общество ни в одном губернском городе Центральной России, а тем более в Петербурге — было немыслимо» [14].

О большей демократичности, открытости провинциального офицерства свидетельствует и то обстоятельство, что в провинции менее жестким, чем в столичных полках, было отношение к бра-

ку офицеров. Столичные гвардейцы были обязаны жениться исключительно на дворянках. Тот же А. А. Игнатьев вспоминал, что его товарищу по кавалергардскому полку князю Урусову, женившемуся на дочери купца Харитоненко, пришлось покинуть полк. В провинции же офицеры более снисходительно относились к выбору своих сослуживцев спутниц жизни. Нередким явлением здесь были браки офицеров с дочерьми купцов, мещан, интеллигенции. Так, например, служившие в конце XIX века в Омске офицеры были женаты: капитан Л. Я. Симонов — на дочери купца А. В. Берг, полковник Г. А. Нелидов — на дочери почетного гражданина И. Шевсанина, ротмистр П. П. Зосимович — на дочери купца Пронина, генерал-майор Н. Е. Вараксин — на дочери классного медицинского фельдшера А. Меймана.

Сама социокультурная среда провинциального города востребовала, актуализировала разнообразную общественную и культурную деятельность офицерства. В провинции, особенно сибирской, во второй половине XIX – начале XX века городская инфраструктура была развита гораздо слабее, чем в столицах, многие направления общественной и культурной жизни только зарождались, в то время как в столицах они имели уже глубокие корни и развитые формы. В этих условиях деятельность военных перерастала чисто утилитарные, армейские рамки и становилась частью общегражданской культуры. Учебные и медицинские заведения, храмы, оркестры, клубы, библиотеки военного ведомства наряду гражданскими участвовали в реализации духовных запросов общества, а в некоторых сферах были вообще вне конкуренции. Так, военные оркестры в условиях слабого развития гражданской музыки в провинции обслуживали большинство городских праздников, народных гуляний. Военные госпиталя при недостаточном уровне развития медицины в провинциальных городах вынуждены были обслуживать и гражданское население. Из-за недостатка соответствующих зданий сцены офицерских собраний часто становились площадкой для различных театральных постановок, литературно-музыкальных вечеров и лекций. Вряд ли подобная ситуация была возможна в столицах, где была достаточно развита гражданская культурная инфраструктура и где деятельность военных в большей степени замыкалась на свои собственные нужды.

В провинции гораздо меньше, чем в столицах, была прослойка интеллигенции, являвшейся главным субъектом духовного производства. В этих условиях военные, будучи людьми высокообразованными и культурными, вынуждены были брать на себя ее функции, причем зачастую в сферах, выходящих за пределы своей профессиональной компетенции. В условиях постоянной нехватки учителей, руководство гражданских учебных заведений нередко приглашало к сотрудничеству офицеров, которые преподавали учащимся гимнастику, черчение, танцы и светские манеры. Медицинским обслуживанием городского населения занимались военные врачи. Офицеры и военные чиновники вместе с гражданской интеллигенцией участвовали в работе культурно-просветительных обществ, занимались, наукой, благотворительностью. Такая деятельность во многом сближала военных с гражданской интеллигенцией, знакомила их с ценностями и образом жизни друг друга, стирала противоречия.

Таким образом, анализ социального облика и статуса офицерства в провинции показывает, что оно не было здесь замкнутой социальной группой, ведущей обособленное от остального общества существование. По своему составу оно было разночинным, являлось открытой на входе группой, включало в себя представителей практически всех слоев общества, было более демократичным, чем столичное. В условиях провинциальной социокультурной среды, границы отделявшие офицерство от остальных социальных групп общества становились более зыбкими, прозрачными, усиливались связи между ними, создавались предпосылки для взаимодействия, взаимовлияния. В провинции офицерство было органичной частью городского сообщества, активно вовлеченной в общественную и культурную жизнь, принимающей деятельное участие в решении важных социальных проблем. Здесь складывались комплиментарные, благожелательные отношения офицерства и гражданского социума к офицерам в целом. В провинции отсутствовала резкая конфронтация армии и общества, характерная для столиц, где в условиях чрезвычайной политизации социума, оппозиционно настроенная общественность использовала критику армии как средство политической борьбы с властью.

Обращение к изучению статуса офицерства в социокультурной среде провинции позволяет по-новому взглянуть на офицерство русской армии в целом, поставить под сомнение стереотипные представления, сложившиеся в общественном сознании и современной историографии, о кастовости, закрытости этой социальной группы, делает перспективным изучение проблем культурного диалога армии и общества.

Библиографический список

1. Зайончковский, П. А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны / П. А. Зайончковский // П. А. Зайончковский (1904 – 1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. — М., 1998. — С. 25.
2. Волков, С. В. Русский офицерский корпус / С. В. Волков. — М., 1993. — С. 294.
3. Сергеев, Е. Ю. «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России 1900-1914 гг. / Е. Ю. Сергеев — М., 2001. — С. 30.
4. Пильский, П. Армия и общество / П. Пильский // Мир божий. — 1906. — № 7. — С. 207.
5. Драгомиров, М. И. Армейские заметки / М. И. Драгомиров // Избранные труды. Вопросы воспитания и обучения войск. — М., 1956. — С. 190.
6. Свидзинский, Э. Ф. Заметки о развитии военных познаний и общих принципов в среде офицеров армии / Э. Ф. Свидзинский // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. — М., 2000. — С. 231.
7. Галкин, М. С. К познанию армии / М. С. Галкин // О долге и чести воинской в российской армии. — М., 1990. — С. 206.
8. Русский инвалид. — 1914. — 31 января.
9. Гефнер, О. В. Образ «государевой службы» в русском фольклоре XVIII — начала XX веков / О. В. Гефнер // Катанаевские чтения : материалы Седьмой Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 195-летию Омского кадетского корпуса и 160-летию со дня рождения генерал-лейтенанта Георгия Ефремовича Катанаева ; Омск, 16 – 17 мая 2008 г. — Омск, 2008. — С. 73 – 80.
10. Розанов, В. В. Демократизация живописи / В. В. Розанов // Религия и культура. — М., 1990. — С. 146.
11. Частушки. — М., 1990. — С. 130, 122.
12. Потанин, Г. Н. Воспоминания / Г. Н. Потанин // Литературное наследство Сибири. — Новосибирск, 1983. — С. 213.
13. Время и город. Омск XVIII — начала XX вв. в описаниях современников. — Омск, 1996. — С. 15.

14. Игнатьев, А. А. Пятьдесят лет в строю В 2 т. Т. 1 / А. А. Игнатьев. — М., 1989. — С. 3.

ГЕФНЕР Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры философии, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии.
Адрес для переписки: e-mail: gefner@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 27.04.2011 г.
© О. В. Гефнер

УДК 947.084.631(57)

О. А. ОЗЕРОВА

Омский государственный педагогический университет

ИЗ ИСТОРИИ ПОЕЗДКИ И. В. СТАЛИНА В СИБИРЬ (1928 г.) И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ КРАЯ И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

В статье рассматривается поездка И. В. Сталина в Сибирь (14 января—6 февраля 1928 г.), анализируются причины выбора региона для проведения «чрезвычайщины». Особое внимание уделяется кампании по раскрестьяниванию, начатой и набиравшей обороты с момента приезда И. В. Сталина в Сибирь в отношении зажиточных слоев населения деревни края и Северного Казахстана.

Ключевые слова: «чрезвычайщина», чрезвычайные меры, тройка, хлебозаготовки, конфискация, агитация, обыск, налог.

В октябре 1927 г. при подведении итога сбора зерновых стало ясно, что в стране хлеба недостаточно. В связи с этим Сталин и Политбюро ЦК ВКП(б) решили пополнить государственные запасы за счет округов Сибири и Северного Казахстана, несмотря на то, что урожай 1927 г. по этим регионам оценивался как средний. Планы хлебозаготовок там не выполнялись. Так, на 1 января 1928 г. в Петропавловском округе он был выполнен только на 38,4 проц. [1]. И. В. Сталин и его единомышленники усмотрели в несдаче хлеба государству крестьянами происки кулаков с целью их вредительства Советской власти.

В связи с этим по указанию ЦК ВКП(б) началась кампания по нагнетанию нетерпимости к кулакам в Сибири северных округах Казахстана. В партийных организациях проходили собрания, на которых инструкторы РК ВКП(б) требовали от коммунистов поддержки генеральной линии партии по изъятию хлеба у кулаков. В результате массированной идеологической обработки коммунистов и беспартийных большая часть из них была готова поддержать чрезвычайные меры.

Началом чрезвычайных мер в Западной Сибири, куда входили территории современных Омской, Новосибирской, Томской, Кемеровской областей и Алтайского края, можно считать 10 января 1928 г. В этот день состоялось бюро Сибкрайкома партии по обсуждению телеграммы за подписью И. В. Сталина о принятии срочных мер по увеличению хлебозаготовок в крае, в постановлении которого говорилось: «Считать работу по усилению хлебозаготовок ударной...создать тройку в составе т.т. Эйхе, Злобина, Сырцова», обладающую всей полнотой власти в условиях чрезвычайных мер [2]. Р. И. Эйхе занимал пост председателя Сибирского крайисполкома, С. И. Сырцов — первого секретаря Сибирского крайкома партии, А. Н. Злобин — заведующего торговым отделом Сибирского крайисполкома. Уже 13 января 1928 г. «тройкой» было дано указание ОГПУ (Заковскому) и краевой прокуратуре (Леонидову) о составлении особого циркуляра, на основании которого на местах должно было проходить изъятие хлеба у крупных держателей зерна.

Для полной ясности в подготовке к проведению чрезвычайных мер в сибирском регионе туда выехал И. В. Сталин. Сибирь была наиболее отдалена от центра, а это означало, что члены партии и беспартийные крайне слабо ориентировались в вопросах текущей политики. Она была многонациональна. Коренное тюркское население было разрознено. У него, как и русского, наблюдался процесс расслоения крестьян на богатых и бедных. Для последних было присуще чувство социальной справедливости и равенства, вследствие чего они испытывали по отношению к зажиточным крестьянам ненависть. Рабочий класс был люмпенизирован, а пролетариат тюркских народов был немногочислен и не организован. Сибкрайком ВКП(б) и Сибкрайисполком возглавляли сталинские назначенцы С. И. Сырцов, Р. И. Эйхе, а Казкрайком ВКП(б) — Ф. И. Голощекин, готовыми беспрекословно выполнить директивы ЦК. Подавляющее большинство рядовых коммунистов в партийных организациях края, а также комсомольцев и внесоюзной молодежи, пополнявшихся главным образом за счет крестьянской бедноты, крайне слабо ориентировалось в вопросах текущей политики. Таким образом, выбор Сибирского региона был неслучайным. Широкая поддержка со стороны местных партийных работников, большей части рядовых коммунистов и люмпенизированных крестьянских слоев обеспечивала проводимому эксперименту результативность.

17 января 1928 г И. В. Сталин специальным поездом прибыл в Новосибирск. Во второй день пребывания в нем провел совещание бюро Сибкрайкома ВКП(б), на котором помимо работников партийного аппарата присутствовали представители хлебозаготовительных организаций. Сталин потребовал немедленного наступления на зажиточных крестьян, подвергнув «репрессивным мерам (кулаков) взысканиям за несвоевременную сдачу сельхозналога (арест, судебные процессы в порядке 107 ст. УК)» [2, л. 57]. Сделал резкие замечания в адрес бюро Сибкрайкома ВКП(б) по поводу слабой работы, считая «абсолютно обязательным обеспечение выполнения плана заготовок для центра в 60 млн пудов» [2, л. 57]. Плановую цифру, подсказанную Сталиным, высшее руководство Сибири утвердило безоговорочно. Впоследствии она будет увеличена и поделена по округам, а та в свою очередь по районам. В решении Сибкрайкома ВКП(б) говорилось: «Считать целесообразным применение административных мер, репрессий в первую очередь по отношению к укрывателям объектов обложения из числа наиболее мощных хозяйств...обратив особое внимание с наибольшим количеством этих хозяйств в округах Омском, Рубцовском, Славгородском, Томском, Барнаульском» [3]. В соседнем Казахстане были выделены партийным руководством хлеборобные округа Петропавловский и Павлодарский. Контроль за исполнением статьи 107 УК РСФСР, которая определяла уголовное наказание за злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или выпуска таковых на рынок, был возложен на Р. И. Эйхе (председателя Сибкрайисполкома), М. В. Кожевникова (председателя Сибирского краевого суда) и Л. М. Заковского (Полномочного представителя ОГПУ СССР по Сибирскому краю). В Казахстане — Ф. И. Голощекина (секретаря Казкрайкома партии).

С 18 января 1928 г. хлебозаготовки в Западной Сибири и Северном Казахстане (там было наибольшее количество крупных частных хозяйств) приняли принудительный плановый характер. Бюро Сибкрайкома ВКП(б), на котором присутствовал И. В. Сталин, приняло решение «поручить краевой прокуратуре в газетах и специальных листовках опубликовать от своего имени извещение о статьях 107 и 105 и о порядке и условиях их применения» [2, л. 58]. Сталин был удовлетворен заседанием и последующими действиями сибирских властей [4, с. 82]. От Л. М. Заковского он потребовал выяснить «возможность проведения части дел через народные суды в особо срочном порядке, выбрав наиболее злостных кулаков-спекулянтов с широким опубликованием приговоров и решений в печати» [2, л. 59]. В газете «Смычка» (Северо-Казахстанский округ) было напечатано о судебном процессе в селе Николаевка Пресновского района) над кулаком Поповым, у которого была обнаружена яма с 190 пудами хлеба [1]. Начались аресты. 25 января 1928 г. был привлечен к суду Алимов Кадыр Алимович, житель села М. Тибисс Чановского района Барабинского округа, обвинявшийся «в контрреволюционной агитации» (ст. 58 УК РСФСР). Коллегия ОГПУ приговорила его к 3 годам высылки [5]. Участь К. Алимова разделили сотни других крестьян.

«Поездка Сталина походила на объезд командующим своих гарнизонов. Вызвав местных партийных и советских работников, коротко заслушивал их и неизменно делал вывод: «Работаете плохо! Бездельничаете и потакаете кулаку. Посмотрите, нет ли и среди вас кулацких агентов...Так долго терпеть безобразия мы не можем» [6, с. 293]. По приезде в Рубцовск И. В. Сталину доложили, что часть алтайского хлеба скуплена Семипалатинской областью. Крестьяне продали туда зерно, так как заготовители из Казахстана подняли цены на 4 копейки за пуд больше, чем алтайцы, которые скупали зерно по установленным государственным ценам. Делегацию из Семипалатинска пригласили пройти в спецвагон. Сталин, выслушав делегатов, выгнал из вагона. Весть о расправе с казахстанцами молнией разлетелась по кабинетам: «Крутой! Он нас всех тут разгонит» [7]. 27 января 1928 г на заседании Омского окружкома партии он потребовал «усилить нажим» и «во что бы то ни стало выполнить полностью план хлебозаготовок» [8]. Один из участников заседания, член окружной Контрольной Комиссии М. А. Ярков, вспоминал: «Мы сразу разъехались по местам и стали применять эту 107-ю статью УК РСФСР» [9].

В органах прокуратуры и юстиции творилась неразбериха. Суды рассматривали дела конвейерным способом, зачастую не вникая в их суть. Так, нарсуд 2-го участка Новосибирского округа отказывался от допроса свидетелей, мотивируя это «скорейшим рассмотрением дела и его ясностью» [10]. В условиях «чрезвычайщины» Сибкрайком ВКП(б) потребовал от секретарей окружных комитетов партии увеличения партийной прослойки среди судей. Так, из 27 народных судей Омского округа 23 были коммунистами, контролируемыми райкомами [11]. В январе—феврале 1928 г. суд был лишь исполнительным аппаратом в руках троек, а иногда и уполномоченных из ЦК ВКП(б) и Сибкрайкома партии. В Омский округ был командирован «для наблюдения за выполнением директив» особо уполномоченный Сибкрайкома ВКП(б) и Крайисполкома Поволоцкий [12]. Окружные комитеты партии в свою очередь направили уполномоченных в специально выделенные районы [13]. Так, из Барнаульского, Бийского, Новосибирского, Славгородского окружкомов ВКП(б) в деревни, аулы и юрты выехало 74 человека. Им не разрешалось уезжать из сельской местности, не имея на то специальных разрешений Окружных исполнительных комитетов [12, л. 40—41]. В конце февраля 1928 г. для выполнения планов по хлебозаготовкам в условиях чрезвычайных мер было командировано в села края дополнительно еще около 4 тысяч уполномоченных и заготовителей. На их незапланированное содержание потребовалось около 800 тысяч рублей [14, с. 779]. Таким образом, через них ЦК и Сибкрайком и окружкомы партии осуществляли контроль за ходом хлебозаготовок в Западной Сибири. Именно они были на местах проводниками идей сталинского руководства в условиях «чрезвычайщины».

Старавшиеся выполнить контрольные цифры по хлебозаготовкам, уполномоченные часто забирали хлеб на основании сведений, полученных от доносчиков. В период «чрезвычайных мер» партийное руководство края не препятствовало увеличению их числа. Секретарь Омского ОК ВКП(б) Мышкин в телеграмме в Сибкрайком ВКП(б) сообщал, что в связи с проходящей хлебозаготовительной кампанией «усилен разведывательный аппарат милиции, ГПУ», а уполномоченным этого округа дана следующая установка: «Изъять все излишки хлеба, предварительно собрав точные сведения о имеющихся у держателя излишках... Если он говорит, нет хлеба, а Вы знаете, что есть, то берите членов сельского совета, идите с обыском и арестовывайте хлеб» [2, л. 79]. Местные коммунисты с уполномоченными и акти-

вом села, прикрывающиеся мандатами, обходили дворы, повторно описывая крестьянские хозяйства, проводили обыски и аресты. Их незаконные действия породили акции протеста [15]. В западносибирских деревнях, аулах и юртах активным участникам конфискации хлеба у зажиточных крестьян выдавалось в качестве премии зерно, в Северном Казахстане — скот. Например, только в Петропавловском округе им было роздано 3694 голов скота из 8480 конфискованных в 33 хозяйствах [1, с. 69]. По словам председателя Сибирской краевой Контрольной комиссии ВКП(б) Калашникова, эти премии стимулировали материальную заинтересованность бедняков [16]. Журнал «Известия Сибкрайкома ВКП(б)» писал, что в проведении хлебозаготовок «активные бедняки и батраки» помогают лучше, чем члены ячеек [17].

К хлебозаготовкам партия приурочила кампанию по «борьбе с самогоноварением». После отмены «сухого закона» право на монопольное производство водки принадлежало государству, что приносило прибыль, а изготовление и сбыт подпольно производимого спиртного уменьшал этот доход. Кроме того, при остром дефиците хлеба в самогоноварении использовались зерновые культуры: рожь, ячмень, пшеница. На основании правительственного распоряжения ВЦИКа от 2 января 1928 г. Сибирский крайком партии принял решение о борьбе с самогоноварением на местах, исходя из того, что за 1927 г. было произведено 65,4 млн. литров зелья, на изготовление которого ушло свыше 8 млн. пудов зерна [18]. Оно было поддержано партийными окружными организациями как имеющее «огромное значение в хлебозаготовках» [19]. В результате только за февраль 1928 г. 16,1 тыс. самогонщиков были подвергнуты штрафу. Из них 60,2% составляли середняки и лишь 16,5% — торговцы и кулаки [18]. Самогоноварению способствовала политика, проводимая Сибкрайкомом ВКП(б). Крестьяне, не дожидаясь конфискации зерна, перерабатывали его на самогон. Для того, чтобы не попасть под суд за его изготовление и хранение, русское население стало прятать его у мусульман. В деревнях и селах спиртное порой заменяло деньги при расчете за оказанные услуги, а также при торговле путем мена. Например, казахи в быту называли самогон «пьяными деньгами». Вскоре опыт самогоноварения переняли и мусульмане. Практически своей необдуманной политикой Советская власть подтолкнула их к этому, а также к началу распространения среди них пьянства. В казахских аулах и татарских деревнях милиция совместно с органами ГПУ стали производить обыски. Перед уполномоченными и партийным и комсомольским активом была поставлена главная задача — искать хлеб «осторожно и умело, под видом самогона или без всякого вида обходить 10-ки амбаров, воспользоваться сведениями бедняков, батраков и ячеек» [20]. Вместе с найденным самогоном забирали и хлеб. В письме секретарю Славгородского окружкома партии секретарь Ново-Алексеевского РК ВКП(б) Фоменко от 8 марта 1928 г. доводил до сведения, что в его районе «произведено до 500 обысков» [21]. Обыски чаще всего проводились без предъявления ордеров. Об этом сообщалось в акте обследования Алейского районного административного отделения от 28 января 1928 г. помощником Барнаульского окружного прокурора Кабановым [21]. Зачастую для зажиточного крестьянина даже несколько бутылок выгнанного самогона, найденного при обыске, оборачивались разорением. В творившемся на селе произволе были повинны райкомы ВКП(б). При их молчаливо-преступном согласии и попустительстве творилось беззаконие.

В период «чрезвычайщины» широкое применение получило обложение налогом, одного из способов изъятия хлеба у сельских тружеников. В постановлении, принятом 28 февраля 1928 г. на заседании бюро Сибкрайкома ВКП(б), в крае был установлен размер единого сельскохозяйственного налога на 1928 – 1929 гг. В общей сумме он составил 28 млн руб. и допускал при этом «пересмотр сроков сбора налога с учетом интересов хлебозаготовительной кампании» [3, л. 24]. На основании данного постановления окружные комитеты ВКП(б) совместно с окружными исполнительными комитетами разработали свои решения по обложению крестьян налогами. Так, в резолюции, принятой на заседании бюро Омского ОК ВКП(б) от 15 июня 1928 г. говорилось о необходимости «в каждом районе выделить 15 – 20 хозяйств, провести предварительный учет объектов обложения и при наличии укрытия привлечь к ответственности, придавая этому показательное значение» [22]. В результате правящий режим подверг крестьянские хозяйства большому экономическому давлению, потому что они не могли в короткие сроки сдать хлеб, мясо и заплатить налог и в связи с этим подвергались штрафам. За неуплату индивидуальных высоких налогов хозяйства казахов-скотоводов Мусина Сомогула, Тапаева Ракима, Ракимова Мустафы, жителей аула № 2 Иконниковского района Омского округа, подверглись распродаже [23]. В этом же округе (Павлоградский район, аулсовет №-7) были описаны и распроданы хозяйства Умарова Шангыза (дом, 5 лошадей, 2 жеребенка, 2 верблюда, 28 овец, 11 голов крупного рогатого скота, 2 десятины пахотной земли) и Булегенова Мукана (дом, 10 лошадей, 5 жеребят, 8 волов, 13 голов крупного рогатого скота, 33 овцы, 4 верблюда, 9 десятин земли) [24]. Эта же участь постигла П. Чудогашева, жителя У-Есинского сельсовета Аскизского района (Хакасия) [25, с. 13] и Ш. Б. Халикова, жителя села Инцис Муромцевского района (Барабинский округ), не сдавшего хлеба (130 пудов), мяса (одну тушу) и не уплатившего штраф в размере 111 руб. 23 коп. [26]. Данная налоговая политика была губительной для сельских тружеников и вела к уничтожению единоличных хозяйств. В результате проводимой политики ЦК ВКП(б) и действий Сибкрайкома и Казкрайкома партии посевной клин и поголовья скота в округах Западной Сибири и Казахстана значительно уменьшились. Так, в Петропавловском округе поголовье крупного рогатого скота сократилось более чем наполовину [27]. Назревала ситуация срыва посевной кампании. В связи со сложившейся обстановкой в мае Сибкрайком ВКП(б) дал указание окружкомам партии принять необходимые меры для успешного завершения весенних полевых работ. В целях увеличения посевных площадей конфискованное у кулаков зерно стали раздавать беднякам, а для сокращения сроков проводимой кампании организовывать соревнования, в которых могли участвовать колхозы, сельскохозяйственные коммуны, артели, отдельные крестьянские хозяйства из бедняцко-середняцкой среды. Победителям были обещаны денежные вознаграждения [28]. Часть крестьян откликнулась на этот призыв. Уполномоченный Яхвищенко, приехав в Костомаровский район (Канский округ), рассказал на собрании активистов, что в Омском округе «один крестьянин посеял 1500 десятин» [29]. В округах Западной Сибири

в целях успешного завершения посевной кампании началась агитация по вступлению в колхозы. Из сообщения в Сибкрайком ВКП(б) секретаря Омского окружного комитета партии Мышкина следовало, что в период подготовки к посевной и во время ее проведения с 1 марта по 29 мая (1928 г.) было конфисковано хлеба 4282 пуда, на основании приговоров судов оштрафовано на сумму 395 рублей, проведено по статье 107 УК РСФСР 89 процессов, в результате которых были привлечены к уголовной ответственности 103 человека [2, л. 79]. Несмотря на все принятые окружкомами ВКП(б) меры, посевные работы все-таки были закончены с опозданием, при этом часть пахотных земель оказалась вовсе не засеянной. Весной возросло недовольство политикой, проводимой Сибкрайкомом ВКП(б). Об этом сообщалось в специальных сводках ОГПУ по Западной Сибири. Так, в одной из них говорилось, что в деревне Н-Луговая Каменского района Новосибирского округа хлебозаготовители столкнулись с откровенной враждебностью крестьян, набросившихся на них со словами: «Что с ними, самозванцами, разговаривать — бей их! Ведь их никто не выбирал, они сами назвались для этой работы, чтобы показать свою активность. Таких мерзавцев и гадов нужно убивать» [15, л. 517]. Попали в сводку «враждебные» высказывания М. Ракимова (Иконниковский район, аул № 2) [30] и А. Бралина (Шербакульский район, аул Дюсембай) [31]. В Сибкрайком ВКП(б) из округов поступали сведения об усилении сопротивления зажиточных крестьян, которые «не сеют хлеб, раздают муку беднякам, специально размалывая для этого рожь» [32]. Весной 1928 г. в Западной Сибири произошло 11 выступлений с участием от 15 до 300 крестьян [17, с. 135]. Акции протеста прокатились и по городам Западной Сибири в связи с острой нехваткой хлеба, возникшей в результате политики сталинского руководства в системе хлебозаготовок. В связи с происходящими событиями в городах и селах Западной Сибири даже те члены партии, которые раньше поддерживали применение 107 статьи УК РСФСР, были вынуждены согласиться с нецелесообразностью дальнейшего проведения чрезвычайных мер. Решением июльского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б) они были официально отменены. На протяжении десятилетий партийное руководство страны Советов, оправдывая свои действия в период «чрезвычайщины», объясняло, что применение 107-й статьи было вынужденной мерой, «ибо меры экономического воздействия на ход хлебозаготовок не давал существенного эффекта» [33, с. 235].

В 1928 г. в Сибири, несмотря на предпринятые все меры в отношении стопроцентного выполнения сталинского плана в 82 млн пуд. по хлебозаготовкам, Сибкрайком ВКП(б) так и не смог его полностью осуществить (он был выполнен на 96%). Не удалось это сделать и Казкрайкому ВКП(б). Так, в Петропавловском округе годовой план (16 млн пуд.) был выполнен только на 83,7 процента [1].

Подчиняясь партийной дисциплине, а порой из-за боязни потерять должности руководители Западной Сибири и Казахстана, стараясь выполнить практически невыполнимые планы хлебозаготовок, продиктованные ЦК ВКП(б), подвергли тем самым тысячи и тысячи крепких крестьянских хозяйств разорению, обрекая тружеников на унижение и нищету.

Библиографический список

1. Северо-Казахстанская область в 1917 – 1957 гг. : сб. ст. — Алма-Ата : Казахское государственное издательство, 1957. — С. 70.
2. ЦДНИОО. Ф. 7. Оп. 4. Д. 65. Л. 7 – 8.
3. ЦДНИОО. Ф. 7. Оп. 5. Д. 36. Л. 54.
4. Павлова, И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма / И. В. Павлова. — Новосибирск : СО РАН, 2001. — 460 с.
5. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. — Новосибирск : Сова, 2005. — С. 23.
6. Волкогонов, Д. А. Сталин. Политический портрет. В 2 кн. Кн. 1 / Д. А. Волкогонов. — М. : Новости, 1998. — 624 с.
7. Демидов, В. Неизвестный визит / В. Демидов, А. Угроватов // Земля Сибирь. — 1992. — № 1. — С. 70.
8. Шевелева, Л. В. «Чрезвычайщина» 1920-х гг. в документах Центра документации новейшей истории Омской области (ЦДНИОО) /Л. В. Шевелева // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. — Омск : ОмГАУ, 1998. — С. 55.
9. Лейфер, А. «Выступление тов. Сталина окрылило нас...» / А. Лейфер // Вечерний Омск. — 1999. — 30 марта.
10. ГАНО. Ф. П. 2. Оп. 1. Д. 4203. Л. 9.
11. ЦДНИОО. Ф. 7. Оп. 4. Д. 2. Л. 92.
12. ЦДНИОО. Ф. 7. Оп. 4. Д. 70. Л. 26.
13. ЦДНИОО. Ф. 7. Оп. 4. Д. 58. Л. 6.
14. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927 – 1939. Т. 1. — М.: РОССПЭН, 1999. — 877 с.
15. ГАНО. Ф. Р. 1228. Оп. 3. Д. 13. Л. 517, 511.
16. ЦДНИОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 187. Л. 47.
17. Демидов, В. В. Хлебозаготовительная кампания 1927 – 1928 г. в сибирской деревне / В. В. Демидов. // Актуальные проблемы истории советской Сибири. — Новосибирск : Наука, 1990. — С. 131.
18. ГУ ИсА. Ф. Р. 1326. Оп. 1. Д. 44. Л. 207 – 209.
19. ЦДНИТО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 798. Л. 81.
20. Андреева, Л. С. Чрезвычайщина в Сибири накануне коллективизации (1928-1929 гг.) / Л. С. Андреева // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия. — Омск : ОмГПУ, 2000. — С. 69.
21. ЦХАФАК. Ф. Р. 558. Оп. 2. Д. 13. Л. 14.
22. ЦДНИОО. Ф. 7. Оп. 4. Д. 17. Л. 12.
23. Архив УФСБ России по Омской области. Архивное уголовное дело П — 11351. Л. 76 – 77, 83.
24. Архив УФСБ России по Омской области. Архивное уголовное дело П — 12521. Л. 91.
25. Тугужекова, В. Н. Репрессии в Хакасии / В. Н. Тугужекова, С. В. Карлов. — Абакан : Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 1998. — 112 с.
26. Архив УФСБ России по Омской области. Архивное уголовное дело П — 8166. Л. 3, 6.
27. Трагедия и прозрение. Сборник архивных материалов и воспоминаний жертв голода и политических репрессий. — Петропавловск, 2002. — С. 33.
28. ГАТО. Ф. Р. 197. Оп. 1. Д. 422. Л. 295.
29. ГАНО. Ф. Р. 47. Оп. 5. Д. 96. Л. 12.
30. Архив УФСБ России по Омской области. Архивное уголовное дело П — 11351. Л. 55.
31. Архив УФСБ России по Омской области. Архивное уголовное дело П — 4709. Л. 39.
32. ЦДНИОО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 127. Л. 39.
33. История Сибири. Т. 4. Сибирь в период строительства социализма. — Л. : Наука, 1968. — 501 с.

ОЗЕРОВА Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, социологии, политологии.
Адрес для переписки: e-mail: ozerov26@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 29.04.2011 г.
© О. А. Озерова

УДК 94(571.1) «1953/1964»

М. И. ФЁДОРОВА

Омский государственный педагогический университет

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ДЕРЕВНЕ В ХРУЩЕВСКИЙ ПЕРИОД 1953—1964 гг. НА ПРИМЕРЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПЛАТФОРМЫ)

В статье рассматриваются сущность и принципы демократических преобразований в омской деревне в период хрущевской «оттепели» 1953—1954 гг. Характеризуется идеологическая и хозяйственная платформы преобразований. Констатируется, что в хрущевский период сформировавшиеся принципы демократических преобразований в деревне могли реализоваться настолько, насколько позволяла не столько собственно командно-административная система, а условия ее социально-экономического и культурного функционирования. Указывается, что демократизация хозяйственных преобразований носила ярко выраженный противоречивый характер.

Ключевые слова: демократизация хозяйственных преобразований, идеологическая платформа, хозяйственная платформа, командно-административная система.

В постсталинский период было важно проведение хозяйственных мероприятий, конечной целью которых была нормализация экономики для стабилизации дальнейшего развития системы и общества [1, с. 12]. Предшествующий сталинский период, на долю которого выпали предвоенные, военные и послевоенные годы (сталинская модернизация, война, восстановление экономики) в хозяйственном отношении был трудным. Ему соответствовали задачи, поставленные временем, требовавшие напряжения всяческих усилий и от общества, и от человека. Потому период следующего руководителя страны, Хрущева, формировавшийся в мирных условиях внутреннего развития, объективно предусматривал ориентацию на человеческий фактор, его интересы.

С середины 50-х гг. в развитии советского общества боролись две тенденции: демократическая и консервативная. Демократическая тенденция определялась хозяйственными преобразованиями, социальными программами [2, с. 324—326]. Вместе с тем политических изменений в стране не предусматривалось, командно-административная система оставалась неизменной.

Под демократизацией хозяйственных преобразований в деревне в исследуемый период будем понимать процесс приобщения к сельскохозяйственным знаниям, культуре жителей деревни, подготовку специалистов через государственную систему образования, также создание материальных, технических, бытовых и иных условий для включенности в хозяйственный процесс непосредственных тружеников, как субъектов хозяйственного процесса в деревне.

Акцент на решение проблем, на человеческий фактор звучал практически в каждой публичной речи Хрущева. К примеру, приведем цитату из речей Хрущева, записанных А. Яковлевым еще до XX съезда КПСС: «Мы очень расточительно расходуем накопленный капитал доверия народа к партии. Нельзя эксплуатировать без конца доверие народа. Мы, коммунисты, должны каждый как пчелка растить доверие народа. Мы уподобились попам-проповедникам, обещающим царство небесное на небе, а сейчас картошки нет. И только наш многотерпеливый русский народ терпит, но на этом терпении дальше ехать нельзя. А мы не попы, а мы коммунисты, и мы должны это счастье дать на земле. Я был рабочим, социализма не было, а картошка была, а сейчас социализм построили, а картошки нет» [3, с. 252].

В статье мы обратим внимание на два аспекта: идеологическую и хозяйственную платформу хрущевской демократизации в деревне.

I. Идеологическая платформа хрущевской демократизации деревни.

Состоявшийся в июне VI Объединенный Пленум Омского областного и городского комитетов КПСС, вслед за постановлением Пленума ЦК КПСС о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия обязал «все партийные организации... укреплять и расширять связи партии с массами, чутко относиться к запросам трудящихся, проявлять повседневную заботу об улучшении материального благосостояния всех советских людей [4, л. 7]. Кроме того, в хрущевский период из ленинско-сталинской эпохи переходила достаточно демократическая трактовка необходимости творческого понимания марксистско-ленинского учения. «Необходимо, чтобы все коммунисты настойчиво овладевали существом всепобеждающего учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, понимали творческий характер марксизма—ленинизма» [4, л. 9].

Творческий характер применения марксизма-ленинизма носил противоречивый характер. С одной стороны, рекомендация творческого отношения к учению оставалась на бумаге по ряду причин — малограмотность населения, уничтоженная репрессиями, опекой партийного аппарата инициатива обыкновенного человека, потребительское отношение государства к личной собственности крестьянина, отсутствие квалифицированных кадров в деревне на всем протяжении хрущевской эпохи, связанной, прежде всего, с текучкой кадров, а не с их тотальным отсутствием.

С другой стороны, часть руководителей колхозов и совхозов на местах, делая своими советчиками в руководстве хозяйством партийную совесть и здравый смысл, умение решать дела с учетом конкретной обстановки, понимали необходимость сохранения личного крестьянского хозяйства, которое делает крестьянина «оседлым», а значит, более трудолюбивым в общественном хозяйстве, при создании там определенных условий.

Такая позиция не одобрялась, председатели колхозов и совхозов получали выговоры (такие как Вирич Г. Я., Хорошун К. А. и др.), но это не мешало им относиться к решениям ЦК КПСС творчески: сохранение паров, травопольного земледелия, ограничение посевов кукурузы, выдача крестьянам кормов для животных для личного хозяйства из колхозных и совхозных запасов, строительство домов и построек для скота, перераспределение части урожая, обрабатываемой колхозной культуры (к примеру, свеклы), в пользу крестьянина, отказ от помощи горожан и т.п. [5, с. 9—51].

II. Хозяйственная платформа. В целях оздоровления хозяйственной ситуации в деревне в 08.08. 1953 г. был принят Закон о сельскохозяйственном налоге, заменивший систему налогообложения, действующую с 1939 г. Закон констатировал: «Установить с 1 июля 1953 г. обложение сельскохозяйственным налогом хозяйств колхозников по твердым ставкам с одной сотой гектара приусадебной земли, находящейся в личном пользовании колхозного двора, независимо от размера общей суммы доходов хозяйств колхозников, получаемых ими от личного хозяйства, предусмотрев значительное уменьшение сельскохозяйственного налога»; а также включал с себя следующие положения: общие положения, обложение хозяйств колхозников, обложение хозяйств не членов колхоза, льготы по сельскохозяйственному налогу [6, с. 321—326].

Как указывает Шумилов М. И., раньше налог начислялся из общей суммы доходов с крестьянского двора по отдельным видам продукции, независимо от размеров хозяйства, а с 1 июля 1953 г. устанавливался принцип твердого налогообложения с 1 га приусадебного участка независимо от доходности. Общая сумма сельхозналога в результате введения нового закона снизилась с 9,5 млрд руб в 1952 г. до 4,1 млрд руб. в 1954 г. [7, с. 448].

В марте 1953 г. по поручению Маленкова Министерства финансов и сельского хозяйства подготовили материалы, содержащие убедительные сведения о бедственном положении деревни. Эти документы легли в основу правительственных выводов о изменении налогообложения крестьян. Этот вывод «прозвучал в речи Маленкова на сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 г., а затем в выступлении Хрущева на Пленуме ЦК в сентябре того же года. Маленков впервые сказал о низком жизненном уровне колхозников и массовом бегстве из деревни и предложил повысить материальный интерес крестьян. Для этого премьер считал необходимым повысить заготовительные цены на мясо, молоко, шерсть, картофель и овощи, значительно снизить нормы обязательных поставок с хозяйств колхозников. Верховный Совет признал внесенные изменения неотложными и утвердил их. Сентябрьский 1953 г. Пленум ЦК лишь повторил идеи главы правительства о повороте экономики лицом к человеку. Одновременно Маленков предложил резко изменить инвестиционную политику в сторону увеличения капитальных вложений в легкую и пищевую промышленность, сельское хозяйство, привлечь к производству товаров широкого потребления предприятия тяжелой индустрии и машиностроения» [7, с. 447].

Выполняя постановление Сентябрьского 1953 г. Пленума ЦК КПСС омская городская партийная организация осуществила руководство несколькими мероприятиями.

1. Направила на работу в сельское хозяйство 200 инженеров, техников, агрономов, зоотехников и других специалистов.

В числе посланных на работу в сельское хозяйство были 25 директоров МТС, 52 главных инженера, 52 заведующих мастерскими, значительное количество механиков-контролеров, механиков по трудоемким процессам, главных агрономов, зоотехников.

Партийные организации направили на работу в МТС лучших специалистов промышленных предприятий города, таких как Насонов — главный механик завода № 634, Клименко — начальник цеха завода им. Куйбышева, Каштанов — научный работник СибНИИСХоза, Симаков — начальник цеха Машиностроительного завода и другие [8, л. 8].

От завода им. Ворошилова направили на работу в МТС 22 инженера, из них 6 человек должны были стать директорами МТС, 12 — главными инженерами. Райкомы партии, первичные парторганизации выявляли специалистов, ранее работавших в сельском хозяйстве для направления их в деревню.

Кроме того, на работу в сельское хозяйство направлялись более 200 специалистов массовых профессий — трактористов, комбайнеров, токарей, слесарей, бухгалтеров, экономистов и других специалистов. Всего предполагалось направить из города в деревню более 400 работников [8, л. 9].

2. Продолжила разностороннюю организацию помощи промышленных предприятий Омска деревням, такую как:

— производственно-техническую помощь машинно-тракторным станциям и колхозам (Завод им. Ворошилова, например, передал подшефной МТС 16 различных станков, отремонтировал 3 мотора, изготовил запасных частей на 15 тыс. рублей, инструмента на 8200 рублей, Заводы им. Сталина, Литейно-механический и артель «Свой труд» за это время изготовили и передали колхозам 93 зерноочистительные машины «Острожко», зимой 1952—1953 гг. во многих колхозах сложились трудности с зимовкой скота, поэтому предприятия города изготовили и передали колхозам более 800 кормозапарников [8, л. 10];

— рабочие промышленных предприятий оказывали помощь колхозам в заготовке кормов, проведении уборки урожая;

— предполагалось усилить организаторскую и политическую работу партийных организаций в массах. С этой целью райкомы партии, партийные

организации города участвовали в разъяснении среди колхозников и работников сельского хозяйства постановления сентябрьского Пленума ЦК партии, доклада Хрущева «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР». После Пленума областного комитета партии в деревни выехало 300 лекторов и докладчиков из числа партийного актива города Омска. Также была одобрена инициатива комсомольских организаций города, решивших собрать для колхозных библиотек 20 тыс. книг художественной, политической, сельскохозяйственной и другой литературы и оказать помощь в завершении радиофикации [8, л. 12—13].

Таким образом, можем констатировать, что в хрущевский период сформировались принципы демократических преобразований в деревне, при этом они получали свое воплощение настолько, насколько позволяла не собственно командно-административная система, а условия ее социально- экономического и культурного функционирования.

Демократические принципы насаждались сверху как любая другая реформа и имели целью оживить систему народным вниманием.

Демократизация хозяйственных преобразований в деревне в хрущевский период носила ярко выраженный противоречивый характер: с одной стороны, призывы прислушаться к народному мнению, а с другой, партийный контроль становится неотъемлемой частью общественной жизни [4, л. 4—7].

Научная новизна исследования заключается во введении в научный оборот архивных документов, позволяющих раскрыть принципы и механизм демократических преобразований в сибирской деревне в период правления Хрущева.

Материалы и результаты исследования могут быть использованы при чтении общих и специальных лекционных курсов и проведении семинаров по отечественной истории для студентов гуманитарных факультетов.

Библиографический список

1. Исторический опыт и перестройка. Человеческий фактор в социально-экономическом развитии / В. А. Козлов [и др.]; под ред. В. А. Козлова — М. : Мысль, 1989. — 302 с.
2. Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди / Е. Ю. Зубкова [и др.] ; под ред. А. Т. Кинкулькина. — М. : Политиздат, 1989. — 447 с.
3. Яковлев, А. Сумерки / А. Яковлев. — М. : Материк, 2003. — 687 с.
4. ГУОО «Исторический архив Омской области». Омский обком КПСС. Особый сектор. Протокольная часть. Протокол VI Объединенного пленума Омского областного и городского комитетов КПСС. Ф.17. О.1 Д. 6352. (начато 12 июня 1953 г. на 149 листах).
5. Манякин, С. И. Сибирь далекая и близкая / С. И. Манякин. — М. : Фонд им. И. Д. Сытина, 2003. — 447 с.
6. Закон СССР от 8 августа 1953 года «О сельскохозяйственном налоге». Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г / под ред. к.ю.н. Мандельштам Ю. И. [Электронный ресурс] — Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1956. — Режим доступа: http://www/wikisourse.org/wiki/Закон_СССР_от_8.08.1953_о_сельскохозяйственом налоге (дата обращения: 11.04.2012).
7. Шумилов, М. И. История России: конец XIX — нач. XXI века / М. И. Шумилов, М. И. Шумилов. — 2-е изд. испр-е и доп. — Ростов н/Д : Феникс, 2005. — 637 с.
8. ГУОО «Исторический архив Омской области». Омский обком КПСС. Особый сектор. Протокол VIII Пленума обкома КПСС. Том II. Ф.17. О.1 Д. 6358. 167 л.

ФЁДОРОВА Марина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), зав. кафедрой истории, социологии, политологии.
Адрес для переписки: e- vail: fmi_2005@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.04.2012 г.

© М. И. Фёдорова

Книжная полка

ББК 63/Л48
Лепешинский, И. Ю. Отечественная война 1812 года в историографическом романе Л. Н. Толстого «Война и мир» : моногр. / И. Ю. Лепешинский, Т. А Лепешинская ; ОмГТУ. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2011. – 238 с. – ISBN 978-5-8149-1185-8.

Монография посвящена теоретико-методологическому обоснованию возможности отнесения романа Л. Н. Толстого «Война и мир» к историческому источнику об Отечественной войне 1812 г. Адресована научным работникам, преподавателям истории, специалистам в области историографии, руководителям и организаторам патриотической (военно-патриотической) работы, а также всем, кто неравнодушен к историческому прошлому России.

Самыгин, П. С. История для бакалавров : учебник для вузов / П. С. Самыгин. – М. : Феникс, 2011. – 573 с. – Гриф Академии гуманит. наук. – ISBN 978-5-222-18805-7.

В учебнике, составленном в соответствии с новым государственным образовательным стандартом для высших учебных заведений, освещаются все основные темы и вопросы курса «История». Главное внимание уделено ведущим тенденциям и основным событиям мировой и отечественной истории с древности до первого десятилетия XXI века. Учебник, составленный на модульной основе с использованием компетентностного подхода, адресован бакалаврам высших учебных заведений. Может быть также использован при подготовке к выпускным экзаменам в школе и абитуриентами, поступающими в вузы.

УДК 9 (47) 17 + 9 (57)

В. Н. ГИЛЬДЕНБЕРГ

Омский государственный педагогический университет

ХОЗЯЙСТВЕННО-ФИНАНСОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ ПО МАТЕРИАЛАМ ГУБЕРНСКИХ РЕВИЗИЙ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX вв.

В данной статье дается отражение полномочий крестьянских начальников в хозяйственно-финансовой сфере на рубеже веков, закрепленных в законодательстве. А также реализация этих законоположений на практике по материалам губернских ревизий в Тобольской губернии в конце XIX—начале XX веков. Выявляются основные проблемы хозяйственно-финансовой деятельности крестьянских начальников и влияние их на сельское общество.

Ключевые слова: крестьянские начальники, хозяйственно-финансовая деятельность, губернские ревизии, сельские обыватели.

Институт крестьянских начальников был введен в Сибири временным положением 2 июня 1898 г., для заведывания общественным управлением сельских обывателей, а также для устройства быта этих обывателей и переселенцев и для управления инородцами. Уже первый опыт функционирования нового института убедительно доказал, что в лице крестьянских начальников власти обрели надежную административную опору в сибирской деревне. Однако повседневная практика реализации властных полномочий была далека от идеала.

Полномочия крестьянских начальников были закреплены во Временном положении от 2 июня 1898 г. Что касается полномочий в хозяйственно-финансовой сфере, то они были отражены в третьем разделе временного положения «Предметы ведомства, пределы власти и порядок действий крестьянских начальников» [1, с. 407], на него возлагались определенные полномочия в хозяйственно-финансовой сфере. К их числу законодательно были отнесены: надзор за составлением мирских капиталов, утверждение приговоров сельских сходов о производстве из этих капиталов расходов на потребности крестьянских обществ [1, с. 408].

Также в круг полномочий крестьянского начальника входил надзор за сельскими кредитными установлениями, состоящими в пределах его участка, а также «попечение о хозяйственном благоустройстве и нравственном преуспеянии крестьян вверенного ему участка по предметам ведомства сельских и волостных сходов» [1, с. 409].

Практика взаимодействия крестьянских начальников и представителей переселенческого сообщества регулировалась в порядке и на основании изданных по этому предмету «узаконений» [1, с. 409].

Правила, определявшие порядок приёма, хранения и расходования денежных сумм, поступавших к крестьянским начальникам и в их уездные съезды, то есть счетоводства и отчетности по этим суммам, определялись министром внутренних дел, по соглашению с министром финансов и государственным контролером [1, с. 411].

Помимо вышеуказанного, уездный съезд крестьянских начальников мог обязать крестьянского начальника проверять сообщения исправника о продаже движимого имущества крестьян, для пополнения причитающихся с них платежей и взысканий и производить проверку описей этого имущества. На крестьянских начальников также возлагался разбор споров, превышавших подсудность волостных судов, на сумму не свыше двух тысяч рублей по найму на сельскохозяйственные работы и должности; по отдаче в наем земель или оброчных при них статей, когда на таковую отдачу не было совершено крепостного, нотариального или засвидетельствованного у нотариуса договора; по пользованию земельными или иными угодьями, отведенных в надел сельским обывателям и по потравам полей, лугов и других угодий [1, с. 409].

Вышеперечисленные полномочия крестьянских начальников, касающиеся хозяйственно-финансовой сферы, как уже было сказано, были закреплены в нормативно-правовых актах того времени. Но на практике они не всегда выполнялись должным образом. Факты, подтверждающие данное обстоятельство, можно обнаружить в материалах губернских ревизий.

Так, при производстве ревизии делопроизводства и денежной отчётности, как волостных, так и канцелярии крестьянского начальника 2-го участка Курганского уезда Карновича непременным членом Рождественским 28 – 31 июня 1899 года, было выявлено, что значительное время не велись денежные книги и отсутствовали оправдательные приходные документы, имели место неправильно произведённые «позаимствования». Вся сумма растраты Карновичем общественных сумм составила 9303 рубля [2, л. 6]. Это были «позаимствования на личные надобности». Данное явление было весьма распространенным. Так, по Башкирской волости таких по-

заимствованных было на сумму 500 руб., по Нижней Алабернской волости — 1500 руб., по Глядянской волости — 400 руб. и т. д. [2, л. 6].

Таким образом, можно говорить о том, что крестьянские начальники далеко не всегда отчетливо осознавали различие между личным и казенным имуществом, вверенным им для решения конкретных задач.

Ещё одно обстоятельство, негативно характеризующее деятельность института крестьянских начальников в Сибири, связано с соблюдением правил, определявших порядок приёма, хранения и расходования денежных сумм, поступавших к крестьянским начальникам и в их уездные съезды [1, с. 411]. Материалы губернских ревизий свидетельствуют о том, что денежные книги часто велись небрежно, грязно, тогда как должны были вестись аккуратно, крайне опрятно; отсутствовали подведенные постраничные итоги и транспорты; ежемесячных сверок с числами волостного правления сельскими старостами не было, отсутствовали их подписи; то же самое можно сказать и про паспортные книги, отсутствовал приход и расход [2, л. 35]. По денежным книгам деньги не записывались и не велись уведомления за номерами, например, крестьянский начальник Карнович ограничивался расписками в разносных книгах или на самих рапортах, при которых представлялись деньги, так что в канцелярии его не велось никакого учета получения денег [2, л. 30].

Книги имущества велись в большинстве случаев неправильно и крайне небрежно; имущество не проверялось по нескольку лет; не делалось отметок в случаях разрешения передачи имущества Тобольским губернским управлениям, а между тем всё это должно было непременно делаться [2, л. 36].

Такое положение вещей сохранялось десятилетиями. Так губернская ревизия, проведенная 25 июня 1909 года по предложению губернатора, выявила полную неподготовленность исполняющего обязанности крестьянского начальника 2-го участка Тарского уезда Фон-Штадена не только к несению служебных обязанностей по должности крестьянского начальника, но и к продолжению службы по крестьянским учреждениям [3, л. 8].

Канцелярия исполняющего обязанности крестьянского начальника 2-го участка Тарского уезда фон Штадена находилась в полном беспорядке. Все делопроизводство лежало исключительно на письмоводителях, которых у крестьянского начальника трое, но и это число он находил недостаточным и заявлял, что выписал четвертого. Постановлений, состоявшихся по жалобам и прошениям, в канцелярии крестьянского начальника не было.

Не имея возможности проверить правильность разрешения крестьянским начальником дел, ревизовавший непременный член губернского управления коллежский советник Нарышкин обратился к входящему и исходящему журналу, но никаких разъяснений о направлении решений, записанных во входящий журнал жалоб, исполняющий обязанности крестьянского начальника дать не мог, и все объяснения давали письмоводители [3, л. 15. Об. 1].

Входящий и исходящий журналы велись неправильно. При рассмотрении журнала обращало на себя внимание огромное число переселенцев о судах. Складывалось впечатление, что переселенцы не имели доступа к исполняющему обязанности крестьянского начальника фон Штадену, а сносились с ним только письменно. Какое направление давалось прошениям — неизвестно, так как во входящем журнале против прошений о ссудах ничего не указано. По объяснению письмоводителя, не указано на том основании, что прошения о ссудах, поступивших с начала года, были сложены в кучу и не приведены в порядок. Однако фон Штаден заявил, что все просители, имеющие право на ссуду, удовлетворены [3, л. 15. Об. 1].

Денежная книга исполняющего обязанности крестьянского начальника 2-го участка Тарского уезда фон Штадена, как и крестьянского начальника 2-го участка Курганского уезда Карновича, велась крайне небрежно; статьи прихода и расхода не были поделены; итоги и «транспорт» велись несколько месяцев; некоторые статьи прихода содержали только указания, откуда поступили деньги или куда израсходованы, но суммы прихода и расхода не были обозначены [3, л. 16. Об. 1].

По приказанию губернатора непременным членом губернского управления коллежским советником Нарышкиным были взяты для проверки представления исполняющего обязанности крестьянского начальника фон Штадена о выдаче ссуд на озимые посевы и продовольствие как из «общественных магазинов», так и из губернского продовольственного капитала, причём на покупку зерна использовалось 1 рубль 15 копеек для семян и по 1 рублю 12 копеек за пуд для продовольственной ржи, хотя, согласно закупочным ценам, рожь в Таре в это время стоила 50 копеек за пуд.

Крестьянский начальник фон Штаден, как и многие другие крестьянские начальники при выдаче продовольственной ссуды нуждавшимся крестьянам, сами лично не занимались вопросами определения имущественного и семейного положении последних, а предпочитали перекладывать их на плечи волостных старшин. А они, как правило, не ответственно подходили к делу и сведения об имущественном положении крестьян составляли со слов самих крестьян и без проверки их правильности, иногда даже из случайно услышанных разговоров между крестьянами, так как «не сидеть же по три дня в каждой деревне». В результате чего продовольственные ссуды выдавались совсем не тем, кто действительно в них нуждался, что вызывало только удивление и недовольство среди сельских обывателей [3, л. 17].

Однако такое положение дел было не у всех крестьянских начальников. Из доклада непременного челна губернского управления по крестьянским делам Кломинского в 1904 году видно, что у крестьянских начальников 2, 3 и 5 участков Каинского уезда Томской губернии: Абакумова [4, л. 2], Егорова [4, л. 5] и Востокова [4, Л. 7. Об. 1] денежные книги находилось в полном порядке.

Ревизией деятельности временно исполняющего обязанности крестьянского начальника 5 участка Тюкалинского уезда Яковлева, произведённой непременным членом Ольшевским, был установлен целый ряд злоупотреблений в сфере хозяйственного и общественного устройства губернского секретаря Яковлева, выразившихся в растрате денежных сумм, превышении власти, лихоимств и прочем [5, л. 89].

При ревизии советником томского губернского управления в мае 1911 года уездного комитета по оказанию помощи лицам, погибшим в войне с Японией, у крестьянского начальника 1 участка Бийского уезда Томской губернии Хабарова обнаружена недостача в размере 12783 рублей 52 копеек, которую сам крестьянский начальник признал за собой и обязался отдать за счет своих «состоятельных

родственников». Он также просил дать ему возможность «без предания суду уйти в отставку или быть уволенным от службы» [6, л. 89].

Другим примером может служить ревизионная записка Рождественского, представленная господину губернатору после ревизии делопроизводства крестьянского начальника 3 участка Тюменского уезда Коростовцева, из которой усматривалось, что в подведомственной ему Андроповской волости не было записано в приход 101 рубль 85 копеек и выписано в расход 400 рублей, не хватает в кассе 33 рублей 42 копеек деньгами, а по документам показано на 28 копеек больше. Крестьянским начальником 3 участка Тюменского уезда Коростовцевым книги подохранного и материального имущества, пригульного скота и хлебозапасных магазинов не велись, подохранное имущество содержалось настолько небрежно и в такой пыли и грязи, никогда не проветривалось, что все мягкие вещи были поедены молью и погнили. По сверке же его с книгою, оказалось, что не была записана 31 группа вещей, неизвестно, к каким делам относящихся. А из материального имущества волостного правления оказались незаписанными 17 предметов [7, л. 108].

Писарь Антропов, служивший у него, получил жалованье в июне вперед за июль, согласно разрешению Коростовцева, несмотря на то, что он небрежно вел делопроизводство и счетоводство. Да и везде, где ни служил Андропов, все делопроизводство было в полном беспорядке (в Нердинской, Колымской) [7, л. 108].

Пренебрежительное отношение к «канцелярскому вопросу» со стороны крестьянских начальников формировалось отчасти на основании элементарной неграмотности последних. Так, например, крестьянский начальник фон Штаден окончил курс Рижского реального училища, с 28 ноября 1906 г. состоял кандидатом на должность земского начальника при Ошемянском уездном съезде, занимался в канцелярии Виленского губернатора. С 1 января 1908 года до перевода на службу в Тобольскую губернию состоял кандидатом на должность земского начальника при Виленском губернском присутствии [3, л. 15]. Приказом Тобольского губернатора, основанном на ревизии Министерства внутренних дел, был допущен к временному исполнению обязанностей крестьянского начальника 2 участка Тарского уезда. Не имеющего чина фон Штадена признали не подготовленным не только к исполнению им должности крестьянского начальника, но и вообще к продолжению службы по крестьянским учреждениям [3, л. 8].

Крестьянский начальник Яковлев окончил полный курс учения в Арзамасском городском четырехклассном училище и начал свой послужной список с канцелярского служителя 2-го разряда в октябре 1906 года. С 3 февраля 1907 года стал заведовать 3 делопроизводством канцелярии генерал-губернатора. 8 июня 1909 года был назначен кандидатом к крестьянским начальникам при Тобольском губернском управлении и вступил в исполнение своих новых обязанностей. 21 июля 1909 года командирован для заведывания 5 крестьянским участком Тюкалинского уезда. «Конечно же, не удивительно, что человек, не имеющий ни среднего, ни высшего образования, на основании ст. 412 Пол Уст Крест изд. 1902 года не мог быть вовсе назначен». [5, л. 114. Об. 1].

Подводя итог, можно сказать, что на полномочия крестьянских начальников, касающихся хозяйственно-финансовой сферы, хоть и были закреплены в законодательстве того времени, но на практике они не всегда выполнялись должным образом. Зачастую крестьянские начальники по своему усмотрению пользовались денежными средствами, сосредоточенными в их руках по долгу службы и предназначенных, например, на выдачу ссуд нуждающимся в этом крестьянам. Это так называемое использование на «личные надобности». Крестьянские начальники недобросовестно использовали денежные средства, они, соответственно, переставали вести денежные книги и вовремя записывать в них приход и расход, а иногда и вовсе переставали их вести. А те крестьянские начальники, которые все-таки вели денежные книги, делали это крайне небрежно. В денежных книгах писали так неразборчиво, что иногда сами не могли ничего разобрать. Возможно, это делалось умышленно, чтобы скрыть недостающие суммы денег.

Причина подобных явлений в деятельности крестьянских начальников может быть различной. Это, в первую очередь, недостаточно жесткая регламентация хозяйственно-финансовых полномочий в законодательстве того времени, что порождало широкий спектр полномочий крестьянских начальников. Во-вторых, естественно-географическая отдаленность от административных центров порождала безнаказанность и произвол со стороны крестьянских начальников. Как правильно подметила редакция газеты «Речь» в своей статье 20 июля 1910 года, что крестьянский начальник 7 участка Барнаульского уезда Томской губернии Пудовиков заведовал там, «куда три года скачи, не доскачешь» [8, л. 81]. И, наконец, уровень грамотности и профессиональной подготовленности также оставлял желать лучшего.

Все эти причины становились залогом формалистского отношения со стороны крестьянских начальников к исполнению своих должностных обязанностей и отсутствия доверия со стороны крестьянского сообщества к их деятельности.

Новизна исследования и практическая значимость статьи заключается в том, что в ней были использованы архивные материалы, до этого не вводившиеся в научный оборот. Что касается изучения хозяйственно-финансовой деятельности института крестьянских начальников, то это, безусловно, оказывает огромное значение для изучения истории Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков, и для Омского региона в частности. Чтобы выявить насущные проблемы настоящего в Омском регионе и попытаться их искоренить, необходимо изучить истоки их формирования.

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881 – 1913). – Т. 18 (1898). Ч. 1. Законы (14861 – 16309) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 13.09.2011).

2. Главное управление Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 479. Оп. 2. Д. 66.

3. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 335. Оп. 1. Д. 828.

4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1291. Оп. 30. Д. 163.

5. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 36. Д. 237.

6. РГИА. Ф.1291. Оп. 30. Д. 43.

7. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 335. Оп. 1. Д. 216.

8. РГИА. Ф.1291. Оп. 30. Д. 16.

ГИЛЬДЕНБЕРГ Виталий Николаевич, аспирант кафедры отечественной истории, администратор исторического факультета.

Адрес для переписки: e-mail: Gildenvit@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 06.03.2012 г.
© В. Н. Гильденберг

УДК 336.747 : 625.1/.5(571.1/.5)"1919"

Д. И. ПЕТИН

Омский государственный технический университет

К ВОПРОСУ О ПРОЕКТЕ ЭМИССИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ ДЛЯ НУЖД ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ СИБИРИ В 1919 г.

В статье на основе ранее не известных документов, выявленных автором в фондах Исторического архива Омской области, рассказывается о нереализованном проекте эмиссии специальных денежных знаков, предназначенных для расчётов на железных дорогах Сибири в период власти правительства А. В. Колчака осенью 1919 г.

Ключевые слова: денежное обращение, Сибирь, бонистика, бумажные денежные знаки, железные дороги.

Денежное обращение на востоке России в годы революции и Гражданской войны отличалось значительным разнообразием платёжных средств, имевших хождение и использовавшихся при расчётах учреждениями, организациями и населением. Повсеместное массовое появление местных денежных знаков в данном регионе произошло во второй половине 1918 г. вследствие резкой дестабилизации политического и финансового положения. Денежным кризисом активно стимулировался естественный механизм регуляции денежного рынка путём новых локальных эмиссий. Везде, где на востоке России распространялась антибольшевистская власть, денежный рынок уже осенью 1918 г. «отреагировал» на дефицит наличных денег эмиссиями всевозможных их заменителей, относящимися к категории бон необязательного обращения. В этот период полноту политической власти на востоке России вобрал в себя «омский» центр.

Для «омской» власти эти многообразные и разнородные платёжные средства явились одним из проблемных вопросов финансовой сферы. Как отмечает В. М. Рынков, «функция большинства местных выпусков сводилась к восполнению недостатка мелкой разменной монеты. Обычно выпускавшее их учреждение имело в своей кассе или на банковском счету соответствовавшую выпуску сумму в крупных купюрах, которые являлись обеспечением. Но негативная реакция центральных органов тоже была закономерна: выпуски подрывали единое денежное пространство» [1, с. 177 – 178].

Министерство финансов белого Омска (далее — Минфин) категорично высказывалось по поводу подобных эмиссий: «Выпуски частными учреждениями в обращение знаков, заменяющих денежные, признаются недопустимыми» [2]. Но на практике местные условия предоставляли этим денежным знакам право фактического хождения [3]. Руководство Госбанка при этом уверяло «омский» Минфин, что «для потребности населения в мелких денежных знаках Госбанком принимаются все зависящие от него меры и в ближайшее время эта потребность будет удовлетворена в полной мере» [4]. Но продолжавшийся на практике рост эмиссий денежных знаков необязательного обращения показывал явную недостаточность данных действий.

Минфин правительства Колчака в 1918 – 1919 гг. проводил также и активные мероприятия по унификации денежного рынка подконтрольных территорий, пытаясь вывести из обращения наиболее значимые местные денежные знаки и суррогаты. Но, несмотря на стремление омской власти насытить рынок своими деньгами — «сибирскими» казначейскими знаками и краткосрочными обязательствами Государственного казначейства, — в денежном обращении продолжал отмечаться дефицит разменных денежных знаков и в 1919 г. Это стало причиной дальнейшего развития эмиссий частных бон. Даже в Омске, являвшемся административным и эмиссионным центром белой Сибири, в 1919 г. отмечался недостаток мелких денег в обращении, в связи с чем здесь были отмечены выпуски разменных бон необязательного обращения [5, с. 506]. Как пишет Л. Н. Юровский, «слабость омского эмиссионного аппарата вынуждала к отступлениям от общей унификационной тенденции, поэтому снова появлялись местные денежные знаки разменного типа» [6].

Особая ситуация при ведении денежных расчётов наблюдалась в транспортной сфере белого востока России: кризисные явления, имевшие место в денежном обращении в 1918 – 1919 гг., как нигде, негативно сказывались на функционировании основного вида транспорта — железных дорог. Имея значительную протяжённость, железные дороги на востоке России проходили через ряд территорий, на которых обращалось большое разнообразие мест-

ных денежных знаков и суррогатов. Данное обстоятельство в совокупности с дестабилизированным снабжением железных дорог денежным подкреплением и общей экономической разрухой вызывало трудности при проведении финансовых операций, усиливая без того жёсткую дифференциацию находящихся в обращении платёжных средств. Так, в Амурской, Забайкальской и Приморской областях железнодорожные кассы требовали от своих клиентов оплаты услуг исключительно дореволюционными кредитными билетами, категорично не признавая при этом не только местные боны, но и сибирские денежные знаки [7]. Разменный дефицит рубежа 1918 – 1919 гг. привёл к тому, что на востоке России кассы железных дорог вынужденно прекратили размен денежных знаков крупных номиналов, требуя вносить стоимость товаров и услуг без сдачи [1, с. 107]. В свою очередь, «омское» Министерство путей сообщения (далее — МПС) просило Минфин присылать денежные знаки, главным образом, разменных номиналов и только лишь небольшую часть купюр не свыше пятисотрублёвого достоинства. При этом приём в платежи железнодорожными кассами купюр номиналом свыше 1000 руб., равно как и выдача сдачи в объёме не более 10 % от платежа, допускались только со специальной санкции «при очень уважительных обстоятельствах, засвидетельствованных в особом акте» [8].

Как отмечалось также колчаковским МПС, в условиях «разменного голода» на «вольном» рынке не упускали возможности заработать многочисленные денежные спекулянты, требовавшие до 700 руб. за размен пятитысячной «сибирской» купюры [9].

Руководство ряда железных дорог востока России, стремясь ослабить финансовый кризис, в 1918 – 1919 гг. выпускало собственные специальные денежные знаки, в расчётах приравниваемые к общеобязательным деньгам (в качестве наиболее яркого примера можно привести эмиссионный опыт Китайско-Восточной железной дороги). Но аспектом отечественной бонистики, привлекающим в данном отношении отдельное внимание, являются боны Омской и Томской железных дорог (рис. 1 – 4). В историографии сведения об этих памятниках бумажноденежного обращения представлены весьма скудно. Впервые описал денежные знаки Омской и Томской железных дорог в 1923 г. иркутский коллекционер А. Катков [10]. Кратко пишет об этих железнодорожных бонах и А. А. Абезгуз [11]. Позднее данные платёжные средства упоминались в каталоге П. Ф. Рябченко и В. И. Бутко с указанием того, что боны являются, вероятно, пробными оттисками, датируемыми 1918 г. [5, с. 180]. Г. И. Рогов указывает на то, что боны Омской и Томской железных дорог были произведены и выпущены в обращение в 1918 г. Однако при этом автором данной работы не приводится каких-либо аргументов в подтверждение данного факта и не даётся ссылок на конкретный источник [12]. В качестве иллюстративного включения боны Омской и Томской железных дорог фигурируют в совместной монографии А. В. Алямкина и А. Г. Баранова [13], а также в одной из статей О. В. Парамонова [14]. Но при этом данными авторами в тексте их трудов о сибирских железнодорожных бонах ничего не говорится.

При работе с документами фонда Р-1181 *«Финансово-счётное управление Министерства путей сообщения»* Исторического архива Омской области нами был выявлен ряд делопроизводственных источников, представляющих собой официальную

Рис. 1. Бон Омской железной дороги номиналом 3 руб., 1919 г. Односторонний. Натуральная величина 100х60 мм

Рис. 2. Бон Омской железной дороги номиналом 10 руб., 1919 г. Односторонний. Натуральная величина 100х60 мм

Рис. 3. Бон Томской железной дороги номиналом 5 руб., 1919 г. Односторонний. Натуральная величина 100х60 мм

Рис. 4. Железнодорожный бон номиналом 10 руб., 1919 г. Односторонний. Натуральная величина 100х60 мм

переписку двух колчаковских ведомств — МПС и Минфина, датируемую сентябрём – октябрём 1919 г. Благодаря изучению указанных документов, нами были детализированы некоторые обстоятельства появления в Сибири осенью 1919 г. особых денежных знаков для нужд железных дорог.

В ходе анализа переписки было выявлено, что в начале сентября 1919 г. между МПС и Минфином белого Омска на уровне руководителей ведомств — Л. А. Устругова (1877 – 1938 гг.) и Л. В. фон Гойера (1875 – 1939 гг.) — были начаты переговоры о возможности печатания и ввода в обращение специальных единых разменных денежных знаков для расчетов на железных дорогах [1].

Министром путей сообщения было отдано распоряжение директору канцелярии МПС собрать информацию в типографиях Омской, Томской и Забайкальской железных дорог о возможности печа-

тания железнодорожных бон. Из доклада директора канцелярии МПС (датируемого, согласно нашим предположениям, не позднее 13 сентября 1919 г.) выяснилось, что, исходя из технического потенциала типографий, производство денежных знаков возможно было организовать лишь только в типографиях Омской и Томской железных дорог. Способ печати бон предлагался литографский.

Расположенная в Иркутске типография Забайкальской железной дороги, согласно докладу её заведующего, на тот момент давно уже не работала; в её распоряжении имелся всего один станок, характеризуемый низкой производительностью и позволявший выпускать не более 500 листов в день (что для объёмов изготовления бон было крайне неподходящим). Типография Забайкальской железной дороги не располагала и изолированным помещением, необходимым для грифования и хранения уже отпечатанных бон. Кроме того, в Иркутске, являвшемся одним из центров производства «сибирских» денежных знаков, на тот момент не имелось и свободного квалифицированного персонала — мастеров-литографов.

В связи с вышеперечисленными обстоятельствами директор канцелярии МПС предложил главе ведомства остановить внимание на типографиях Омской и Томской железных дорог [2]. В данных типографиях, согласно информации, предоставленной их руководством, в день могло выпускаться 15 000 картузных листов ежедневно (или 360 000 картузных листов ежемесячно). Принимая во внимание то, что размер денежного знака предполагался в 1/32 писчего листа, (приблизительно повторяя размер дореволюционного бумажного кредитного рубля) [3] в месяц мощностями двух железнодорожных типографий в Омске и Томске возможно было напечатать 11 520 000 бон [4].

В докладе директора канцелярии МПС достаточно подробно были охарактеризованы технические и технологические особенности типографии Омской железной дороги. В частности, указывалось, что в распоряжении типографии имеется один литографский станок и одна типолитографская машина, работа на которых могла осуществляться двумя сменами (при этом работа первой смены определялась в восемь часов, а второй смены — в четыре часа). К докладу директора канцелярии МПС также была подготовлена рукописная справка о полной стоимости двенадцатичасовой типографской работы в типографии Омской железной дороги (табл. 1).

Таблица 1

Справка о стоимости двенадцатичасовой типографской работы в типографии Омской железной дороги по состоянию на 13 сентября 1919 г.

Статьи расходов	Стоимость работ
Мастера и рабочие	до 480 руб.
Рабочая сила при двигателе	до 160 руб.
Материалы для литографской машины (краска, олифа, гуммараик, кислота, скипидар, тальк, канифоль, бензин, керосин)	до 400 руб.
Материалы для работы двигателя	до 300 руб.
Общие расходы (отопление, освещение, вода, помещение)	50 руб.

Источник: ГИАОО. Ф. Р-1181. Оп. 1. Д. 23. Л. 118.

Учитывая технологические и технические возможности железнодорожных типографий, желательно было, чтобы боны печатались односторонними и в одну краску. Кроме того, в информационной сводке, подготовленной директором канцелярии МПС, отмечалось, что ни бумаги, ни красок, ни олифы для их растворения не было в наличии ни в типографии, ни даже на рынке. Для начала работ в Томской типографии необходимо было пополнить штат специалистов-печатников (каковых планировалось найти в томском лагере военнопленных). Как отмечалось также в докладе директора канцелярии МПС, для повышения интенсивности печатания бон в типографиях требовалось приобрести добавочные станки и машины, однако, на тот момент на рынках их не было, а из частных рук хотя и была возможность приобретения, но только лишь по весьма завышенным ценам [15].

Описанные в докладе директора канцелярии МПС условия производства железнодорожных бон 15 сентября 1919 г. были представлены в письменном виде руководством МПС на рассмотрение министру финансов. В заключительной части письма главы МПС говорилось: «Если указанные условия изготовления бон представляются удовлетворительными, то по получении от Вас окончательного на этот счёт решения и необходимых для работы материалов, я сделаю соответствующие распоряжения» [16].

23 сентября 1919 г. на запрос главы МПС Л. А. Устругова был получен ответ за подписью товарища министра финансов В. И. Новицкого (1890 – 1966 гг.), датированный 19 сентября 1919 г. В видении руководства финансового ведомства, предлагаемые со стороны МПС, условия для изготовления железнодорожных бон представлялись вполне удовлетворительными. В отношении технических и материальных ресурсов, недостающих для производства железнодорожных денежных знаков, в ответном письме руководства Минфина сообщалось, что «управляющий Экспедицией заготовления государственных бумаг примет меры к своевременной доставке всех необходимых материалов в названные типографии и даст указания по организации печатания бон и контроля их производства. К моменту утверждения бон, образцы коих имеют быть изготовлены в ближайшее время Экспедицией заготовления государственных бумаг, к началу их печатания необходимо получить для грифования образцы подписей, кои предполагаются на обязательствах, поэтому прошу мне не отказать сделать соответствующее распоряжение о доставлении названных образцов в Министерство финансов» [17].

2 октября 1919 г. главой МПС в Минфин было направлено письменное уведомление о том, что на планируемых к выпуску железнодорожных бонах было решено поместить подписи министра путей сообщения Л. А. Устругова и начальника финансового отдела хозяйственного управления железных дорог К. Н. Александровского. Соответствующие образцы подписей должностных лиц МПС были отправлены для изготовления клише в Минфин [18].

Боны железных дорог Сибири в хождении планировалось приравнять к обязательным денежным знакам, которые эмитировались омской властью. Таким образом, данные денежные суррогаты намеревались возвести в ранг официальных и полноценных платёжных средств. Об этом свидетельствует надпись на одном из образцов таковых денежных знаков *«Настоящий бон принимается во всех кассах Омской, Томской, Забайкальской и Амурской*

железных дорог наравне с краткосрочными обязательствами Государственного Казначейства и казначейскими знаками Сибирского Правительства» (рис. 4).

Сам факт ведения переговоров о выпуске железнодорожных бон, равно как и благосклонность «омского» Минфина в решении данного вопроса противоречили тенденции унификации и оздоровления денежной сферы; очевиднее всего, что сложность социально-экономической обстановки заставила «омский» Минфин пойти на определённые исключения из общей практики регулирования денежного обращения. Проследить дальнейшие совместные мероприятия МПС и Минфина белого Омска, связанные с вопросом печатания железнодорожных бон, нам не удалось[5]. Однако известные специалистам по бонистике односторонние экземпляры бон Омской и Томской железных дорог являются большими раритетами, что указывает на то, что эмиссия, вероятнее всего, так и не была осуществлена и дальше пробных оттисков дело не пошло. Вероятнее всего, что оставление значительных территорий и последовавшая в ноябре 1919 г. экстренная эвакуация правительства Колчака в Иркутск, свели на нет нужду в выпуске специальных денежных знаков для нужд железных дорог.

Примечания:

[1] Нам не удалось установить, кто именно выступил с идеей начала переговоров об эмиссии железнодорожных бон, однако, на наш взгляд, инициатива исходила, очевидно, от руководства МПС, как от будущего эмитента, чья финансово-хозяйственная деятельность зависела от начала выпуска бон.

[2] Необходимо отметить, что железнодорожная типография в Томске уже имела опыт в печатании денежных суррогатов, произведя осенью 1918 г. бланки акцептированных чеков по заказу Томского отделения Госбанка (См. ГА РФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 109. Л. 8—8об.).

[3] Размер дореволюционного государственного кредитного билета образца 1898 г. номиналом 1 руб., о котором идет речь, составлял 145х90 мм. Размер планируемых к выпуску железнодорожных бон был несколько уменьшен.

[4] В тексте доклада приводится цифра *10 520 000 руб.,* очевидно, являющаяся арифметической ошибкой составителей документа.

[5] Автором при работе с фондами Исторического архива Омской области в одном архивном деле вместе с используемыми документами была выявлена рукопись — *«Положение о бонах Управлений казённых и частных железных дорог»*, являющаяся, вероятнее всего, проектом некоего соответствующего документа. Согласно данному «Положению...», начальникам казённых и управляющим частных железных дорог предоставлялось право изготовления литографским или типографским способом специальных бон номиналами 1, 3, 5, 25 и 100 руб. Каждому управлению железных дорог предоставлялось возможность выработки образцов бон, порядка их изготовления и выпуска по соглашению с управляющим местной казённой палатой и отделением Госбанка. Лимит эмиссии для казённых железных дорог устанавливался в 25 млн руб.; для частных железных дорог — в пределах суммы, разрешённой ссуды из средств казны. На бонах предполагалось наложение клишированных подписей начальников (управляющих) и управляющих местных отделений Госбанка, банковской печати и компостерных знаков. На бонах должно было быть обозначено наименование дороги, наименование отделения Госбанка, номинал, предел обращения бон и указание обязательности хождения наравне с общеобязательными денежными знаками омской власти (См. ГИАОО. Ф. Р-1181. Оп. 1. Д. 23. Л. 50—50 об.).

Однако отсутствие на данном документе даты, места создания и подписи составителя затрудняет его полную атрибуцию и использование в исследовании.

Библиографический список

1. Рынков, В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 г.) : моногр. / В. М. Рынков. — Новосибирск : [Б. и.], 2006. — 212 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 120. Л. 1.
3. Местные денежные знаки и политика Министерства финансов // Вестник финансов, промышленности и торговли. — Омск, 1919. — № 7. — С. 3—4.
4. Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-1181. Оп. 1. Д. 23. Л. 45—45об.
5. Рябченко, П. Ф. Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР и стран СНГ (1769-2000 гг.) / П. Ф. Рябченко, В. И. Бутко. — Киев : Логос, 2000. — 688 с.
6. Наше денежное обращение : сб. материалов по истории денежного обращения в 1914—1925 гг. ; под ред. проф. Л. Н. Юровского. — М. : Финансовое изд-во Народного комиссариата финансов, 1926. — С. 278.
7. ГА РФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 105. Л. 15.
8. ГИАОО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 23. Л. 4, 19.
9. ГИАОО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 23. Л. 79об.
10. Катков, А. Не родившиеся колчаковки / А. Катков // Советский бонист. — Москва, 1923. — № 11—12. — С. 4.
11. Абезгуз, А. А. Пробные знаки Колчака (окончание) / А. А. Абезгуз // Московский бонист. — Москва, 1983. — № 5—6.
12. Рогов, Г. И. Денежные знаки, выпущенные в период существования белогвардейских правительств в Сибири и на Дальнем Востоке / Г. И. Рогов // История белой Сибири. : тезисы IV науч. конф. 6—7 февр. 2001 г. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2001. — С. 160.
13. Алямкин, А. В. История денежного обращения в 1914—1924 гг. (по материалам Зауралья) / А. В. Алямкин, А. Г. Баранов. — Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2005. — С. 184—185.
14. Парамонов, О. «Кузнецы» с «языками». Сибирские деньги (продолжение) / О. Парамонов // Родина. — 2000. — № 6. — С. 40.
15. ГИАОО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 23. Л. 117—117об.
16. ГИАОО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 23. Л. 119.
17. ГИАОО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 23. Л. 120.
18. ГИАОО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 23. Л. 121.

ПЕТИН Дмитрий Игоревич, аспирант кафедры отечественной истории.
Адрес для переписки: e-mail: dimario86@rambler.ru.

Статья поступила в редакцию 29.04.2011 г.
© Д. И. Петин

УДК 94(495).04

Е. В. КОГУТ

Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНЫ ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ИМУЩЕСТВОМ В ПАЛЕОЛОГОВСКОЙ ВИЗАНТИИ

В статье на основе анализа практически не исследованных ранее в связи с данной проблематикой актов афонских монастырей рассматривается вопрос о реализации возможности распоряжения своим имуществом замужней женщины в Византии в XIII—XV вв.

Ключевые слова: Византия, гендерная история, приданое, брак, семья, собственность, Афон, акты.

Изучение института брака становится все более актуальным. Это связано с развитием гендерных исследований и разработками в области микроистории. Византия, с одной стороны, как наследница Римской империи сохранила и развила традиции римского законодательства в семейном праве. С другой стороны, Византия как восточнохристианское государство оказала влияние на древнерусскую государственность, в том числе и на институт брака, органично соединяя постулаты римского права с догматами православной веры.

Общему представлению о месте женщины в семье посвящены работы зарубежных исследовательниц А. Лайу [1] и Э. Патлажеан [2], однако в центре внимания ученых находятся периоды IX—XII вв. или IV—VII вв., более обеспеченные источниками. Исследования по избранной нами проблеме практически отсутствуют. Одним из самых значимых аспектов в жизни женщины, как одной из сторон брачных отношений, является ее материальное положение. Поэтому изучение имущественного положения женщины, воспринимавшейся в эпоху средних веков как неравный член социума, обладавший ограниченными политическими правами, представляется особенно важным. Это связано с тем, что, несмотря на политическое бесправие, женщина в Византии обладала достаточно прочным социально-экономическим положением, гарантированным законодательством и часто подтверждавшимся правоприменительной практикой. Последнее мы попытаемся проследить в предлагаемом исследовании, в этом заключаются новизна и практическое значение работы.

Источниками для данной работы стали частноправовые акты (практики, купчие, дарения, договоры аренды, завещания) Афонских монастырей, созданные в период с начала XIII в. до середины XV в., изданные как в «Actes de l'Athos», печатавшихся в «Приложениях» к Византийскому временнику с 1903 г., так и в рамках французской серии «Archives de l'Athos». Высокая репрезентативность актов афонских монастырей как источников по гендерной истории Византии отмечается Э. Патлажеан [3, p. 561] и Д. Николь [4, p. 3]. В своем описании формуляра актов мы придерживаемся классификации клаузул, предложенной И. П. Медведевым [5, с. 44—99], используя также работы С. М. Каштанова [6] и С. П. Карпова [7]. Нами выявлено и проанализировано 108 актов, где действуют женщины, более половины из них знатного происхождения, поэтому представляется важным рассмотрение М. В. Бибиковым [8] общих проблем истории византийской аристократии.

Анализ формуляра актов дает важную дополнительную информацию. В документах имена женщин могли упоминаться в разной форме: только крестное имя или крестное имя и фамильное имя. Указание на имя женщины могло встречаться в intitulatio, или же в narratio (в изложении обстоятельств дела, непосредственно предшествовавших составлению акта), или в dispositio (распоряжении по существу дела, в условиях сделки), или ее имя могло присутствовать только в подписи. Эти ситуации помогают выявить роль женщины в решении имущественных вопросов.

Следует сказать более подробно о терминологии. Дотальное имущество (приданое) — часть семейной собственности, которую необходимо было выделить дочери в случае, если она выходила замуж. На среднегреческом языке этот термин обозначался как «προίκια» или «προίξ». Гипоболон — предбрачный дар, который выделялся семьей жениха, также имел несколько наименований, в том числе «πρὸ γᾶμου δωρεάν», «ὑποβολῶν».

Основным видом женской собственности в Византии было ее приданое, однако оно не являлось единственным видом женской собственности, о чем свидетельствует исследование актового материала. Важным аспектом является и социальный, и семейный статус женщин. Так, примерно треть актов афонских монастырей XIII—XV вв. составили документы, упоминающие женщин, в которых лицом, от которого исходит документ, являлась супружеская чета. Муж и жена вместе осуществляли распоряжение семейной собственностью, как правило, дарение или продажу ее монастырю (табл. 1). Жена, безусловно, — это наиболее распространенная социальная роль женщины, встречающаяся в актах.

Данные около 49 актов дают возможность составить обобщенный портрет жены. В подавляющем

Таблица 1

Формы участия женщин совместно с членами семьи — мужчинами [9–14, 16–18]

Монастыри	Акты, с участием женщин, не считая типиков и практик	Акты, где действуют женщины в качестве члена семьи и формы участия							
		муж и жена (жена как член семьи)		жена действует с согласия мужа		отец и дочь		брат и сестра	
		число	процент	число	процент	число	процент	число	процент
Ватопед	38	10	26	2	5	5	13	5	13
Дионисиат	1								
Дохиар	6	2	33	2	33			3	50
Зограф	2								
Ивир	3	2	66	1	34				
Ксенофонт	7	2	29	1	14				
Ксиропотам	2	2	50			2	50		
Кутлумуш	4	2	50					2	50
Лавра	10	3	67			1	10	1	10
Пантелеимон	1								
Пантократор	4	3	75						
Патмос	1								
Филофей	1								
Хиландар	27	14	51	2	7	1	4	3	11
Эсфигмен	1	1	100						
Итого	108	41	38	8	7	9	8	14	13

большинстве документов (41 акт) жена выступает просто как член семьи. Значительная часть актов ограничивалась упоминанием мужа и жены, но и в данном вопросе наблюдается разнообразие. Часть актов упоминают имя жены и мужа и их общее фамильное имя [9, p. 194–195.1–2], другие — фамильные имена каждого из супругов. Есть акты, в которых упоминаются только имена, а фамильные имена отсутствуют.

Имена матерей в актах афонских монастырей встречаются значительно чаще других женщин — членов семьи (табл. 1).

В общей сложности актов, где женщина выступала как мать, включая те акты, где она являлась замужней женщиной, для исследуемого нами периода 18. Акты этой категории можно условно разделить на две группы. Первая группа: акты, где женщина выступала как часть полной семьи, состоявшей из отца семейства, ее самой и детей. Вторая группа: акты, где она являлась целиком самостоятельным контрагентом и где муж, по каким-либо причинам, не упоминается. Вполне можно предположить, что он уже умер, либо не имел на собственность, обсуждаемую в dispositio, никаких прав ввиду того, что это, возможно, была часть приданого его жены.

Изучение актов показывает, что женщины в большинстве случаев участвуют в сделках в качестве жены (более 1/3 случаев), на втором месте по частоте участия стоят сестры. При этом чрезвычайно редко встречаются в актах нашего периода женщины, действующие с согласия мужа (табл. 1). Первый факт можно объяснить тем, что женщины, будучи в большинстве своем замужем, редко расставались со своей собственностью, т. к., как правило, это было приданое, отчуждение которого было крайне затруднено. С другой стороны, мужчины, владея определенной собственностью и имея возможность ею распоряжаться, если только это не было предбрачным даром (который был значительно меньше приданого), заключали сделки гораздо свободнее, однако зачастую не могли обойтись без участия жены и детей. Такое небольшое количество актов, оформленных непосредственно от имени женщины, объясняется тем, что она была, несмотря на значительные изменения, все-таки неполноправным членом семьи, таким образом, здесь находят отражение властные полномочия в связи с гендерной ассиметрией в отношении различных прав, в том числе и прав собственности.

О степени самостоятельности женщины в решении вопросов распоряжения имуществом могут свидетельствовать два типа документов: акты, где жена является лицом, от которого исходит документ (будучи отмеченной в intitulatio), а также акты, называющие фамильное имя отца жены. Однако в любых ситуациях, когда контрагентом акта выступала замужняя женщина, во всех документах имя мужа в каком-либо качестве отмечалось — либо в intitulatio, либо в signature (табл. 2). Из таблицы видно, что женщина действует из 50 выявленных актов самостоятельно в 28 % случаев, еще 6 % дают акты, где женщина действует от своего имени с согласия мужа, т. е. в 34 % актов женщина выступает как активный участник сделки, и только 12 % проанализированных

Таблица 1

Анализ степени самостоятельности женщины [9–14,16–18]

Монастыри	Акты, с участием женщин, не считая типиков и практик	Акты, где действуют женщины					
		женщина выступает как пассивный участник (когда распоряжения касаются ее)		женщина действует с согласия мужа		женщина действует самостоятельно	
		число	процент	число	процент	число	процент
Ватопед	38	6	16	2	5	7	18
Дионисиат	1	–	–	–	–	1	100
Дохиар	6	2	33	1	16	2	33
Зограф	2	1	50	–	–	1	50
Ивир	3	–	–	–	–	1	33
Ксенофонт	7	–	–	1	14	4	57
Ксиропотам	2	–	–	–	–	2	100
Кутлумуш	4	–	–	–	–	1	25
Лавра	10	3	33	–	–	3	33
Пантелеимон	1	–	–	1	100	–	–
Пантократор	4	–	–	–	–	1	25
Патмос	1	–	–	–	–	1	100
Филофей	1	–	–	–	–	1	100
Хиландар	27	1	3	2	7	5	18
Эсфигмен	1	–	–	–	–	–	–
Итого	108	13	12	7	6	30	28

актов показывают женщину как пассивного члена семьи при заключении сделок.

В большинстве случаев, когда упоминаются оба супруга, имя мужа предшествует имени жены, что подтверждает главенство мужа в семье [10, p. 178. 1–3, 288. 1–3].

Акт, контрагентами которого являются Алексей Паксамада и его жена Хриса (отмечены в intitulatio), а в качестве inscription которого указан монастырь Ватопед, интересен тем, что семья уступала виноградник за определенную ренту, однако, если муж умрет раньше жены, жена будет получать только половину ренты [11, p. 171. 12–16].

Муж Иоанн и жена Анна Асанина приносили в дар виноградник за помин души, но сохраняли его до тех пор, пока они оба живы. В акте отдельно прописано, что Анна сохранит за собой виноградник до своей смерти, даже если муж умрет [11, p. 383. 5–10]. Ввиду этой оговорки можно говорить, что закон опекал женщину, ее права на наследование семейного имущества.

Различия в последних двух случаях можно было бы объяснить разницей социального статуса, однако это неверно. Эти случаи отличаются тем, что в первом из них виноградник, вероятно, принадлежал до брака мужу, поэтому он и сохранял на него полные права и даже в случае смерти жены, т. е., учитывая условия сделки, должен был получать ренту в полном объеме. Жена имела ограниченные права на эту собственность. Во втором случае, принимая во внимание построение диспозиции, мы можем говорить о том, что имущество до брака принадлежало именно Анне Асанине, поэтому и в случае смерти мужа она сохраняла за собой полные права собственности на весь виноградник, а не на половину.

Указание в документах фамильных имен обоих супругов встречается редко. Фамильные имена каждого из супругов — деспота Эпира Фомой Комнином Преалюмпосом и его жены василиссы Марии Ангел Дуки Палеолог — указаны в акте № 146, составленном в 1375 г. и хранящемся в Лавре [12, p. 100–104]. Можно предположить, что упоминание фамильного имени жены говорило о ее высоком происхождении и важности ее семейного имени. Это связано с высоким положением ее отца, а также, вероятно, со значительным размером приданого.

Среди актов Пантократора есть документ, где упоминается сестра жены императора с полным указанием фамильного имени: Анна Асанина Контостефанина, тогда как о ее муже говорится только то, что он великий примикирий Иоанн, без упоминания родового имени. Возможно, что семья Иоанна была менее знатной, чем семья его супруги, которая являлась родственницей императорской фамилии [13, p. 94. 20–21]. Но, вероятнее всего, родовое имя опускалось ввиду высокой должности Иоанна. Великие примикирии в актах, как правило, указываются только по крестному имени [13, p. 81. 5]. А вот Упоминание в акте без родового имени Алексея — брата Иоанна, может уже означать, что их семья была менее знатной, чем семья жены примикирия.

Важность согласия обоих супругов, в том числе и жены, отчетливо ясна из акта № 4 Дохиара, в котором Анна, жена Никифора Вурца, дочь Николая

Спленара, давала согласие на заключение сделки ее мужем, несмотря на то, что объектом сделки было имущество, унаследованное Никифором (ее мужем) от своего отца Самуила [14, p. 80—82]. Суть сделки заключается в том, что Никифор менял свою половину загородного имения на 7 мастерских в Фессалонике и пятьдесят иперперов. Кроме этого, Анна подтверждала, что ни она сама, ни ее наследники не будут оспаривать эту сделку, добавляя, что осознает правомерность такого обмена. Возникает вопрос: почему для сделки, касающейся собственности мужа, понадобилось, во-первых, согласие жены (а также отсутствие у ее наследников желания оспаривать сделку), во-вторых, вместо обычной продажи — организовывать обмен с доплатой. По всей видимости, речь идет о предбрачном даре — собственности, на продажу которой законом наложен запрет, а на обмен, заключаемый с предбрачным даром, подобных лимитаций в византийском законодательстве не было [15, p. 156]. Также данный акт показывает процесс формирования семейной собственности, для распоряжения которой было необходимо одобрение всех членов семьи и которая перестала принадлежать какому-то отдельному члену семьи. Кроме того, сам обмен мог свидетельствовать только о том, что семья собиралась переехать из деревни в город. Интересно, что все пояснения, касающиеся предбрачного дара и согласия Анны, находятся в постскриптуме и упомянуты в основной части акта лишь мимоходом [14, p. 83].

Среди актов, которые нами были изучены, нет случаев упоминания девичьей фамилии жены в случае, если она не знатная дама.

Но в ряде случаев имя жены указывается перед именем мужа, что, как правило, свидетельствует о том, что основным контрагентом данной сделки является именно жена, а муж лишь соглашается с условиями договора [16, с. 241—247]. В Хиландаре хранится договор Марии, жены Георгия Прокопа, который интересен не только тем, что подпись жены предшествует подписи мужа, но и тем, что в подписи указано, что она дочь Дикрана и жена Георгия Прокопа. Мы видим, что весь акт написан от имени Марии, поэтому, видимо, она являлась контрагентом, но все действия она производила с согласия мужа, поскольку собственность, представлявшая dispositio акта, хотя и принадлежала ей, но являлась частью семейной собственности [16, с. 245—247].

О том, что замужняя женщина не являлась до конца самостоятельным контрагентом договора, свидетельствует акт о дарении Евдокией, дочерью Комненуцика, налоговой ренты (οἰκονομία) монастырю святого Георгия (Ксенофонт). Она состояла во втором браке с Димитрием Калигопулом. В тексте акта нет указаний на то, что дарение производилось двумя людьми, там четко прописано, что эта территория, с которой взимается указанная налоговая рента, расположенная в регионе Псалидофурне, и земля в Псалии являлись ее унаследованной собственностью. Однако ее супруг поставил свою подпись под этим актом, одобряя данные действия своей жены [17, p. 170—177].

Анна Кантакузина Палеолог, заключая сделку полностью от своего имени и с имуществом, являвшимся частью ее дотальной собственности (собственность-приданое), делала это с согласия своего мужа. Несмотря на то, что Анна является контрагентом и акт написан исключительно от ее имени, согласие мужа требовалось так же, как и в случае сделки с предбрачным даром требовалось согласие жены, как мы видели выше в случае с Анной, женой Никифора Вурца. Согласие супруга, как и во всех остальных случаях, визировалась личной подписью супруга [14, p. 235—240]. Сигнатура мужа требовалась и тогда, когда жена заключала сделку с обычной собственностью, доставшейся ей по наследству [14, p. 290—292].

В акте № 24 монастыря Ксенофонта о продаже имущества, осуществленной Ириной и ее детьми Анной, Иоанном и Христофором, есть имя мужа — Лев Павел [17, p. 181—183]. Он упоминается дважды: первый раз для указания, чьей женой являлась Ирина, и второй раз в связи с тем, что продажа осуществлялась с его согласия. В данном акте есть прямое указание на то, что продаваемое имущество является частью приданого Ирины. В акте отсутствует подпись Христофора, видимо, ввиду его малолетства. Дети в акте указаны по старшинству и, надо отметить, в независимости от гендерного признака. Это подтверждает на практике положение о равном праве наследования детьми имущества родителей.

Зачастую мы видим подписи всей семьи в конце текста актов: отца, матери и детей, к примеру, трех дочерей [18, p. 44—45]. В таких случаях указывалось фамильное имя мужа, но отмечалось, что это ребенок обоих родителей [16, с. 253—254].

В отличие от официального имперского законодательства частноправовые акты, как правило, в большей степени отражают реальную действительность, нередко противоречившую провозглашенному в законе принципу. Анализ актового материала афонских монастырей XIII—XV вв. свидетельствует о том, что актов, где жена является лицом, от которого исходит документ, немного. Замужняя женщина почти всегда действовала с согласия мужа. Степень самостоятельности женщины по распоряжению имуществом, в основном зависела от ее социального происхождения, размеров собственности и условий сделки. Тем не менее имущественное положение византийской женщины в семье было достаточно прочным. Женщина, принимаемая в семью мужа, становилась и ее частью: не претендуя на первые роли, она тем не менее имела значительное влияние на семейные дела. В подавляющем большинстве документов жена выступает не как самостоятельный контрагент, а как член семьи, без которого невозможно решение вопроса о семейной собственности.

Библиографический список

1. Laiou, A. E. Mariage, amour et parenté à Byzance aux XI-XIII siècles / A. E. Laiou. — Paris: De Boccard, 1992. — 209 p.

2. Patlagean, E. Familles et parenté les à Byzance / E. Patlagean / Histoire de la famille. — Vol. 2 Temps médiévaux: orient, occident. — Paris : Armad Colin, 1986. P. 213—240.

3. Patlagean, E. The Byzantine empire / E. Patlagean // A history of private life. — T. 1. From Pagan Rome to Byzantium / ed. Veyne P. — London, 1987. — P. 561—641.

4. Nicol, D. M. The Byzantine Lady: Ten Portraits 1250—1500 / D. M. Nicol. — Cambridge : Cambridge University Press, 1994.

5. Медведев, И. П. Очерки византийской дипломатики: (частноправовой акт) / отв. ред. В. И. Рутенбург; АН СССР, Ленингр. отд-ние, Ин-т истории СССР — Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. — 262 с.

6. Каштанов, С. М. Актовая археография / С. М. Каштанов. — М. : Наука, 1998. — 414 с.

7. Карпов, С. П. История Трапезундской империи / С. П. Карпов ; МГУ им. М. В. Ломоносова, Ист. фак., Лаб. истории Византии и Причерноморья; редкол. : Г. Г. Литаврин [и др.] — СПб. : Алетейя, 2007. — 623 с.

8. Бибиков, М. В. Проблемы генезиса и эволюции византийской аристократии / М. В. Бибиков // Очерки средневековой истории, экономики и права. — М. : ИВИ РАН, 1998. — С. 155—172.

9. Actes de Chilandar / ed. M. Živojinovič, V. Kravari, Ch. Giros. — Paris, 1998. — 364 p.

10. Actes d'Iviron / ed. J. Lefort, N. Oikonomidés, D. Papachryssantou, H. Métréevéli. — Vol. 3. — Paris, 1994. — 412 p.

11. Actes de Vatopedi / ed. J. Bompaire, J. Lefort, V. Kravari, Ch. Giros. — Vol. 2. — Paris, 2006. — 526 p.

12. Actes du Lavra / ed. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos., D. Papachryssantou. — Vol. 3. — Paris. — 230 p.

13. Actes de Pantokrator. — Paris, 1991. — 232 p.

14. Actes de Docheiarou / ed. N. Oikonomidés. Paris, 1984. 398 p.

15. Beaucamp, J. la situation juridique de la femme à Byzance / J. Beaucamp // Cahiers de civilization médiévale. № 20. — 1977 — № 2—3. — P. 149—156.

16. Actes de Chilandar / ed. L. Petit, B. Korablev // Византийский временник. — 1911. — Т. 17. — 364 с.

17. Actes de Xénophon / ed. N. Oikonomidés. — Paris, 1986. — 298 p.

18. Actes de Kutlumus / ed. P. Lemerle. — Paris, 1988. — 478 p.

КОГУТ Екатерина Викторовна, аспирантка исторического факультета, младший научный сотрудник Музеев Московского Кремля.
Адрес для переписки: e-mail: nikia@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.06.2012 г.
© Е. А. Когут

Книжная полка

Ниммергут, Й. Железный крест. 1813-1870-1914-1939-1957 / Й. Ниммергут ; пер. с нем. – М. : Любимая книга, 2011. – 304 с. – ISBN 978-1-932525-61-8.

Впервые в русском переводе выходит классический труд «Железный крест: 1813—1939» выдающегося немецкого историка и фалериста Йорга Ниммергута, рассказывающий об истории этой важнейшей награды Германии на протяжении двух веков с момента ее учреждения в 1813 году до последних награждений середины XX века. Широкую известность и уважение эта награда заслужила потому, что знак отличия «Железный крест» вручался исключительно за выдающуюся личную доблесть, независимо от социального происхождения и ранга награждаемого. В мировой фалеристике книга Йорга Ниммергута считается основополагающим трудом по этой награде и неоднократно переиздавалась. В издании собран огромный объем фактического материала, приведено большое количество документов, использовано множество иллюстраций из музейных собраний, архивов и частных владений. Много внимания уделено истории учреждения Железного креста, практике награждений, типам и разновидностям награды. Мы уверены, что книга станет незаменимым источником научных и практических знаний и, безусловно, найдет своего читателя как среди историков, так и среди музейных работников и коллекционеров, а также тех, кто просто интересуется военной историей Германии.

Императрица Елизавета Петровна : сб. – М : Эксмо, 2011. – 432 с. – ISBN 978-5-699-51097-9.

Дочь Петра Великого Елизавета Петровна пользовалась большой симпатией петербуржцев, особенно — гвардейских солдат и офицеров. С их помощью она и совершила 25 ноября 1741 года государственный переворот, узурпировав власть, на которую не имела никаких прав. Веселая и добродушная красавица, Елизавета Петровна больше всего на свете любила светские развлечения. Однако своим двором руководила успешно, ловко маневрируя между различными политическими группировками. Царствование императрицы Елизаветы Петровны было временем политической стабильности, укрепления государственной власти и ее институтов, окончательного закрепления результатов Петровских реформ.

Путенихин, В. П. Тайны Аркаима: наследие древних ариев / В. П. Путенихин. – 8-е изд. – М. : Феникс, 2011. – 285 с. – ISBN 978-5-222-18667-1.

Мировой сенсацией предпоследнего десятилетия XX века явилось обнаружение в Южном Зауралье страны древних городов, так называемой аркаимской культуры. Со дня своего открытия Аркаим стал предметом жарких споров. Для одних он просто археологический объект индоевропейского типа, характерный только для цивилизации древних ариев, для других — вместилище Богов, для третьих — форпост инопланетян на нашей грешной земле, для четвертых — станция для приема космической энергии и т.д. Сотни мнений, сотни версий, кроме одной: Аркаим — фрагмент прародины народов, населяющих не только Россию, но и весь Евразийский континент. Сама мысль об этом крамольна, так как в такой ранней культурности славяноруссам и другим коренным народам России отказано давно и бесповоротно всеми великими историками начиная с Геродота. Раз не было культурности, значит, были дикие племена, а отсюда вывод: Аркаим — пришлый феномен: явились в Россию неведомые арии и исчезли неизвестно куда оставив несколько десятков сожженных за собой городков. В данной работе отбрасываются привычные стереотипы, и утверждается, что аркаимские города — это часть территории протогосударства руссов, тюрок, угров, а также историческая прародина народов Ближнего Востока, Индии, Китая и Северной Америки, что выводит Россию в ранг стран с одной из самых древних мировых культур.